7788
И 417/507
ф/-77/11537

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ПРОШЛАГО

УРАЛЬСКАГО ВОЙСКА.

Изъ записокъ полковника А. Л. Гуляева.

Уральскъ.
Типографія М. А. Жаворонковой.
1895

109.

У 417/507.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ПРОШЛАГО

УРАЛЬСКАГО ВОЙСКА.

Изъ записокъ полковника А. Л. Гуляева.

Уральскъ.
Типографія М. А. Жаворонковой.
1895

И 417/507

БИБЛІОТЕКА
А. Н.
КУРОЧКИНА.
ПОГАШАЛО

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПРОШЛАГО

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
58579-46

УРАЛЬСКАГО ВОЙСКА.

Изъ записокъ полковника А. Л. Гуляева.

Дѣдъ мой, по матери, отставной есаулъ Ларіонъ Степановичъ Скворкинъ, умеръ въ 1868 году 80-ти слишкомъ лѣтъ отъ роду. Покойный разсказывалъ мнѣ, бывало, очень много эпизодовъ изъ своей службы. Нѣкоторые случаи мною записаны, и теперь я хочу подѣлиться слышаннымъ о старинѣ съ читателями.

I.

Въ первый разъ дѣдъ мой пошолъ въ составѣ полка на Кизлярскую линію (на Кавказѣ) въ 1796 году. Полки туда командировались отъ Уральскаго войска на три года. Казаки въ тѣ времена не имѣли никакого форменнаго обмундированія и снаряженія. Они были одѣты въ халаты или азямы, имѣли саб-

ли или шашки и самое разнообразное огнестрѣльное оружіе. Преимущественно, впрочемъ, имѣли винтовки съ „рожками“, т. е. подставками, которыя служили опорой при прицѣливаніи изъ винтовки.

Пріѣжаетъ однажды смотрѣть ихъ полкъ инспекторъ,—важный генералъ. Полкъ былъ расположенъ лагеремъ на рѣкѣ Терекѣ. Полковой командиръ является къ инспектору по домашнему, въ халатикѣ, съ посошкомъ въ рукахъ. Инспекторъ начинаетъ распекать командира. Но полковой командиръ былъ не изъ робкихъ, и довольно хладнокровно замѣтилъ генералу: «зачѣмъ ругаться; не суть тяжко дѣло; можно надѣть и мундиръ», и флегматично пошолъ одѣваться въ свою палатку. Инспекція заключалась въ счетѣ людей по головамъ и въ опросѣ претензій. Все оказалось благополучно. Генералъ принялъ хлѣбъ-соль отъ полковника, а казаки начали купаться въ Терекѣ, бросаясь съ крутаго берега „коломъ“, то есть сжимая между собою ноги и держа вплотную къ тѣлу руки. Генералъ былъ въ восторгѣ отъ удали казаковъ, которые на водѣ дѣлали разные фокусы.

II.

Въ прошедшемъ и въ началѣ настоящаго столѣтія полкъ Уральцевъ, также смѣняясь черезъ три года, содержалъ кордонную линію по Ахтубѣ, извѣстномъ рукавѣ Волги. Одинъ изъ полковыхъ командировъ, не дождавшись смѣны, снялъ кордонные посты и пошелъ съ полкомъ въ Уральскъ. Удивительная была простота! Теперь это покажется невѣроятнымъ; но дѣдъ мой лгать не любилъ. Является неожиданно за Чаганомъ этотъ полкъ съ Ахтубы и посылается Войсковому Атаману „липортъ" о прибытіи. Удивленный атаманъ Петръ Михайловичъ Назаровъ спрашиваетъ командира полка: на какомъ основаніи онъ привелъ полкъ? „Да жена писала мнѣ, отвѣчаетъ командиръ, что пора тебѣ, Антошенька, идти съ полкомъ домой. Вотъ я и пришелъ. Я думалъ, что это ты, Петръ Михайловичъ, ей сказалъ"! Нужно замѣтить, что этотъ командиръ былъ родственникъ по женѣ Войсковому Атаману—П. М. Назарову. Что дѣлать! Нельзя же назадъ прогнать было полкъ, наполовину уже распущенный по домамъ.

Снарядили на скорую руку новый полкъ и отправили его на Ахтубу. При этомъ новому командиру

Петръ Михайловичъ далъ строгое внушеніе—бабьимъ слухамъ и вѣстямъ не вѣрить, а домой съ Ахтубы идти только по полученіи о томъ бумаги изъ Войсковой Канцеляріи.

III.

По словамъ дѣда, до начала настоящаго столѣтія городъ Уральскъ къ сѣверу простирался только до нынѣшней Крестовой улицы, гдѣ былъ и городской валъ со рвомъ. Въ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія валъ былъ отнесенъ до нынѣшняго новаго базара, гдѣ валъ со рвомъ, башни и шлагбаумы существовали до 70-хъ годовъ.

Войсковые атаманы назначались въ тѣ времена преимущественно изъ фамилій Бородиныхъ и Назаровыхъ. Эти наши аристократическія фамиліи были не въ ладахъ между собой. Когда атаманомъ назначался Бородинъ,—всѣ Бородины назначались на видныя должности, а всѣ Назаровы, и даже ихъ родственники другихъ фамилій,—становились въ опалѣ. Назначался Войсковымъ Атаманомъ Назаровъ,— роли перемѣнялись и выходило на оборотъ: на служебную дѣятельность выступали Назаровы и ихъ родственники,

а Бородины стушевывались. Дѣдъ мой по родству принадлежалъ къ назаровской партіи. Во время атаманства П. М. Назарова дѣдъ занималъ мѣсто частнаго пристава въ Уральскѣ, а затѣмъ — начальника верхней дистанціи. При вступленіи на должность Войсковаго Атамана Давыда Мартемьяновича Бородина, дѣдъ былъ удаленъ съ должности и надъ нимъ даже было назначено слѣдствіе. Только смерть Д. М. Бородина, отъ хелеры въ 1831 году, спасла дѣда отъ дальнѣйшей бѣды. Д. М. Бородинъ былъ послѣднимъ войсковымъ атаманомъ изъ казачьяго сословія. Послѣ его смерти атаманами назначались генералы или полковники изъ регулярныхъ войскъ, съ названіемъ „наказныхъ атамановъ". Первымъ Наказнымъ Атаманомъ былъ Василій Осиповичъ Покатиловъ, прахъ котораго покоится теперь въ оградѣ Михайло-Архангельскаго собора въ Уральскѣ.

Званіе наказнаго атамана, какъ извѣстно, происходитъ отъ слова «Наказъ», наставленіе.

IV.

Удивительныя были служебныя бумаги въ тѣ времена. Такъ одинъ форпостный *) начальникъ, уну-

*) По нынѣшнему поселковый, или станичный атаманъ.

стивъ изъ своего этапнаго помѣщенія арестанта, доносилъ въ свое оправданіе, что арестантъ убѣжалъ черезъ дыру въ крышѣ, и наивно въ концѣ рапорта добавлялъ, что „эта дыра еще при Данилѣ Дмитричѣ была“.

V.

Одинъ изъ старыхъ офицеровъ того времени, есаулъ N бывалъ неоднократно начальникомъ разныхъ форпостовъ. За какія то провинности злополучный N получилъ однажды подрядъ нѣсколько выговоровъ изъ Войсковой Канцеляріи. Случилось ему послѣ этихъ выговоровъ писать какое то денесеніе Войсковой Канцеляріи на Пасху. Христосоваться съ Канцеляріей, или нѣтъ? думалъ N. Посовѣтываться на форпостѣ было не съ кѣмъ. Напуганный выговорами и вполнѣ сознавая, что масломъ кашу не испортишъ, онъ рѣшилъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ и написалъ: „Христосъ воскресъ! матушка Войсковая Канцелярія“. Далѣе шло изложеніе рапорта.

VI.

Первоначальная фамилія предковъ дѣда была Куксины; нѣкоторые же ихъ прозывали Вараксины. Одинъ изъ Куксиныхъ Петръ Ивановичъ, по своему проворству и скорой походкѣ, прозванъ былъ скворцомъ. Скворецъ, да скворецъ,—и начали его съ сыновьями звать Скворкиными. Занимались Скворкины торговлей мясомъ и рогатымъ скотомъ; имѣли свой хуторъ, обратившійся со временемъ въ нынѣшній Скворкинскій поселокъ. Въ 1770-хъ годахъ семья Скворкиныхъ состояла изъ отца—Петра Ивановича и 4-хъ сыновей, изъ которыхъ одинъ сынъ - Алексѣй былъ женатъ на дочери Войсковаго Атамана Тамбовцева. Жили Скворкины, какъ и всѣ тогда жили нераздѣльно, одной семьей. Наступилъ сентябрь 1773 года, и въ Чаганскомъ форпостѣ появился Пугачевъ, развернувшій тамъ свои знамена. Бывшая вначалѣ незначительная толпа приверженцевъ Пугача начала быстро увеличиваться: туда стекались всѣ недовольные тогдашними порядками казаки. Вскорѣ толпа Пугачева двинулись къ Яицкому городку. Скворкины принадлежали къ правительственной, старшинско

партіи и естественно опасались за цѣлость своего имущества. Когда Пугачъ приближался къ городку, Петръ Ивановичъ послалъ старшаго сына Василія загнать въ городокъ табунъ лошадей, пастійся за Чаганомъ. Василій началъ сбираться, но очень медленно. Нетерпѣливый Алексѣй, быстро собравшись, вскочилъ на лошадь и поскакалъ за Чаганъ. Загоняя лошадей, онъ былъ схваченъ приверженцами Пугача и приведенъ къ нему. Близкіе совѣтники Пугача, конечно, не приминули разсказать, что захваченный Скворкинъ принадлежалъ къ партіи, имѣющей въ войскѣ извѣстный вѣсъ.

„Поступай ко мнѣ—твоему Государю на службу", сказалъ грозно Пугачевъ.

— Одинъ рабъ двумъ царямъ не служитъ, смѣло отвѣтилъ Алексѣй. Я присягалъ Императрицѣ Екатеринѣ и тебя не признаю за своего Государя, сказалъ Алексѣй.

Пугачевъ приказалъ его повѣсить. Это былъ первый повѣшенный самозванцемъ.

Дѣдъ мой, какъ близко жившій къ эпохѣ Пугачевскаго бунта, много мнѣ разсказывалъ объ этомъ событіи. По его словамъ, за исключеніемъ самаго не-

значительнаго количества казаковъ, всѣ приставшіе къ Пугачу были слѣпо увѣрены, что онъ дѣйствительно Государь Петръ Федоровичъ, пришедшій на Яикъ подъ защиту своего вѣрнаго войска — Яицкаго. Но когда Пугачевъ женился на казачкѣ Устиньи Кузнецовой, вѣра эта сильно ослабла. „Какъ это, говорили промежъ себя казаки, благовѣрный Государь не соблюдаетъ вѣры и женится на другой, имѣя законную жену — Государыню Екатерину". Нѣкоторые казаки тогда же отстали отъ Пугачева и примкнули къ старшинской, правительственной партіи.

Какъ извѣстно, Яицкое войско дѣлилось тогда на двѣ весьма неравныя партіи. Меньшинство принадлежало къ старшинской партіи, состоявшей изъ старшинъ, ихъ родственниковъ и незначительнаго количества простыхъ казаковъ, оставшихся вѣрными правительству. Большинство же принадлежало къ такъ называвшейся войсковой партіи. Вотъ изъ этой то послѣдней партіи и составилось первоначальное ополченіе Пугачева. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, къ толпамъ Пугача пристали оренбургскіе казаки, гарнизонные солдаты оренбургскихъ крѣпостей, башкиры и казенные, заводскіе и помѣщичьи крестьяне. Ядро же пугачевской арміи составляли яицкіе казаки, изъ ко-

торыхъ преимущественно и были пугачевскіе генералы подъ громкими фамиліями графовъ Орловыхъ, Чернышевыхъ и пр.

Нѣкоторые казаки старшинской партіи во время бунта находились въ Яицкой крѣпости, а остальные съ старшиной Мартемьяномъ Бородинымъ двинулись киргизской степью на Оренбургъ, когда этому городу начала угрожать опасность отъ самозванца.

VII.

Яицкая крѣпость находилась на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Михайло-Архангельскій соборъ. Въ крѣпости находился регулярный гарнизонъ подъ начальствомъ коменданта подполковника Симонова.

Яицкій городокъ въ тѣ времена составляли нынѣшніе „курени". Гдѣ теперь Петропавловская церковь —тамъ было городское кладбище. Къ востоку отъ стараго собора было еще четыре улицы, и на берегу Яика былъ монастырь. Яикъ, переименованный въ Уралъ, постепенно срывалъ всѣ эти улицы и приблизился къ самому собору. Тогда онъ былъ искусственно отведенъ далѣе къ бухарской сторонѣ, а у собора были сдѣланы свайныя укрѣпленія берега. Сгнившія бревна этихъ укрѣпленій были еще на моей памяти.

Въ настоящее время Уралъ опять приближается къ старому своему руслу.

VIII:

Въ царствованіе Императрицы Екатерины II, Князь Потемкинъ-Таврическій хотѣлъ сформировать изъ казаковъ легіонъ, въ составъ котораго была потребована команда и отъ нашего войска. Но наши казаки наотрѣзъ отказались служить въ легіонѣ, считая самое слово „легіонъ“ чѣмъ то страшнымъ. Они высказали свою готовность служить полками. Правительство болѣе не настаивало о нарядѣ казаковъ въ легіонъ, и служба казаковъ продолжалась по прежнему, т. е. полками.

Казачій полкъ въ тѣ времена и почти до 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія состоялъ изъ 5-ти сотенъ, въ каждой ровно по 100 человѣкъ, считая тутъ командира и прочихъ начальствующихъ лицъ. Слѣдовательно въ полку было ровно 500 человѣкъ. Убыль не пополнялась. По этому не удивительно, что, находясь въ военныхъ дѣйствіяхъ, вслѣдствіе потерь въ сраженіяхъ, болѣзней и раскомандировокъ вѣстовыми къ разнымъ начальствующимъ лицамъ, полки таяли и доходили до 150 человѣкъ своего полнаго состава

т. е. численностью были равны современной сотнѣ. Строй былъ одношережный. Для движенія въ походѣ была колонна по три. Болѣе никакихъ построеній казаки не знали, да ни кто отъ нихъ и не требовалъ разныхъ эволюцій.

Находясь въ составѣ нашихъ дѣйствовавшихъ армій, на европейскомъ театрѣ войны, казаки получали жалованье, порохъ и свинецъ, изъ котораго сами лили пули, сообразно имѣвшемуся у каждаго огнестрѣльному оружію, или же стрѣляли кусками свинца. Участвовавъ въ войнѣ съ турками въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ наполеоновскихъ войнахъ и въ войнѣ со шведами, дѣдъ разсказывалъ, что казакамъ рѣдко случалось употреблять огнестрѣльное оружіе: они преимущественно дѣйствовали пиками и иногда шашками. Служба ихъ была преимущественно сторожевая и развѣдывательная.

Провіантъ и фуражъ отпускался въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Казаки все это добывали сами. Такой способъ довольствія былъ имъ на руку. Во время наполеоновскихъ войнъ, въ особенности въ 1812—1814 годахъ, многіе казаки составили себѣ капиталы, ибо

не одна сотня наполеондоровъ *) была у нихъ въ поясахъ и чемоданчикахъ.

Въ походахъ по киргизской степи казакамъ отъ казны ничего не отпускалось. Прикажутъ сформировать столько то сотенъ, запастись провіантомъ на столько то времени,—и маршъ. Иногда еще приказывалось выступать о двуконь. Такъ въ 1824—1825 годахъ три полка нашихъ казаковъ (1500 чсл.) ходили съ полковникомъ Бергомъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ и намѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ) на западный берегъ Аральскаго моря. Въ походѣ этомъ казаки пробыли около 6 мѣсяцевъ и во все это время питались запасенными на походъ своими какурками (сдобныя булки, внутри которыхъ запекается иногда яицо). Лошади же питались подножнымъ кормомъ.

Въ 1805 году дѣдъ поступилъ на службу въ составъ лейбъ-Уральской сотни. Сотня эта была вмѣстѣ съ гвардіей въ Австріи и участвовала въ сраженіи съ французами подъ Аустерлицомъ. Затѣмъ, по возвращеніи въ Петербургъ, въ 1806 году въ корпусѣ графа Толстаго, сотня была изъ Кронштадта перевезена на судахъ моремъ въ Померанію. Была въ Бранденбургіи, Мекленбургіи и въ гор. Гамбургѣ. Въ 1809

*) Тагдашніе французскіе червонцы.

году сотня участвовала въ войнѣ со шведами, въ Финляндіи, и въ составѣ арміи Барклай-де-Толли перешла по льду Ботническій заливъ. Разсказывая про этотъ походъ, дѣдъ, бывало, описывалъ громадныя ледяныя горы, встрѣтившіяся имъ на пути. Приходилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проходить подъ ледяными горами: вѣроятно, подъ грудами льда, были отверстія или естественные тунели. «Вотъ какъ у Аржанова *) дома въ подворотню приходилось иногда намъ идти", разсказывалъ дѣдъ. Онъ имѣлъ серебряную медаль съ надписью: «За переходъ на Шведскій берегъ въ 1809 году".

IX.

Во время войны съ французами въ 1805 году дѣдъ состоялъ постояннымъ ординарцемъ у князя Багратіона. Вспоминая про него, дѣдъ всегда плакалъ: очень ужъ онъ любилъ князя Петра Ивановича Багратіона. Между прочимъ дѣдъ разсказывалъ, что князь Багратіонъ каждое утро въ своей палаткѣ громко читалъ 143 псаломъ: «Благословенъ Господь Богъ

*) Старый домъ Аржановыхъ, на Большой улицѣ, былъ тогда единственнымъ въ Уральскѣ, имѣвшій ворота подъ домомъ.

і, научаяй руцѣ мои на ополченіе« и проч. Дѣдъ ренялъ у князя этотъ обычай и заповѣдалъ мнѣ, и случится быть на войнѣ, непремѣнно читать тъ псаломъ.

X.

Изъ Петербурга дѣдъ вернулся въ 1811 году. авный памятью 1812 годъ дѣдъ просидѣлъ дома, тому что оба брата его были въ полку въ Турціи, отецъ дѣда оставилъ его дома хозяйничать.

XI

Предъ 1812 годомъ въ Турціи были два нашихъ лка № 1 и 2. На смѣну имъ пошли № 3 и 4 пол-, но, въ виду политеческихъ обстоятельствъ, смѣна состоялась и всѣ четыре полка остались въ Дунай-ой арміи—адмирала Чичагова. Армія эта, какъ из-стно, въ 1812 году, послѣ заключенія мира съ тур-ми, двинута была въ Россію и на нее была возло-а задача запереть отступавшему Наполеону путь р. Березинѣ. Въ 1812 году, послѣ уже занятія сквы французами, изъ Уральскаго войска были еще

командированы № 5 и 6 полки. Полки эти въ на главную армію—фельдмаршала Кутузова пригли по дно. Тогда уже Великая армія Наполеона была око чательно деморализована и отступала въ полнѣйше безпорядкѣ. № 5 и 6 полки участвовали во многи сраженіяхъ въ 1813—1814 годахъ въ Германіи Франціи и были въ Парижѣ.

XII.

Разсказывая про свою гвардейскую службу, дѣ наглядно бывало показывалъ, какъ онъ являлся ординарцы Государю и Великому Князю Константи Павловичу. Для этого дѣдъ уходилъ въ прихожу комнату у насъ въ домѣ, а меня и моихъ товарище разставлялъ въ залѣ изображать изъ себя Высоких особъ. Полѣ долгихъ шептаній молитвъ, дѣдъ вых дилъ въ залу размѣреннымъ шагомъ и съ послѣдни приступомъ ноги очень сильно стучалъ объ полъ об ими ногами. Онъ говорилъ, что такъ тогда треб валось.

XIII.

Удивительная была память у дѣда. Онъ не толь помнилъ всѣхъ казаковъ, служившихъ съ нимъ, т.

зналъ ихъ фамиліи, имена и отчества, но помнилъ даже, у кого была какой масти лошадь. Бывало сидитъ дѣдъ лѣтомъ у открытаго окна и пьетъ чай. Дѣда всѣ знали въ городѣ и всѣ ему кланялись. Проходитъ какой нибудь казакъ,—дѣдъ его остановитъ и спроситъ: «чей онъ», т. е. какъ его фамилія. Казакъ скажетъ. „Отца твоего и дѣдушку знаю, —скажетъ дѣдъ, дѣдушка твой служилъ со мной въ такомъ-то полку; лошадь у него была такая-то“ и пойдетъ разсказывать подробности ихъ общей службы.

Въ 1866 году пріѣзжалъ въ Уральскъ бывшій Оренбургскій генералъ-губернаторъ Крыжановскій. Не имѣя средствъ къ жизни и не получая никакой пенсіи, дѣдъ отправился къ генералу Крыжановскому просить пособія. Началъ дѣдъ разсказывать про свою службу: въ какихъ кампаніяхъ и походахъ онъ участвовалъ. Когда онъ разсказывалъ, что былъ въ заграничномъ походѣ въ Помераніи, Бранденбургіи, Мекленбургіи и пр., генералъ Крыжановскій, желая, вѣроятно, провѣрить дѣда, неожиданно спросилъ его:

„А кто командовалъ этимъ десантнымъ корпусомъ?“

— Графъ Толстой, отвѣтилъ дѣдъ, и продолжалъ: лошадь у него была рыжій жеребецъ; знатная лошадь!

Генералъ Крыжановскій, знавшій по исторіи, корпусомъ командовалъ графъ Толстой, объ лошади его вовсе не имѣлъ понятія.

Крыжановскій приказалъ отпускать дѣду по 100 р. ежегодно изъ нѣтчиковыхъ суммъ. Но наша Войсковая канцелярія, придравшись къ тому, чтъ въ резолюціи на прошеніи дѣда Крыжановскій не написалъ слово „серебромъ", начала выдавать дѣду пособіе по 100 р. ассигнаціями, т. е. менѣе 30 руб. сер. въ годъ.

XIV.

Съ 1820 по 1823 годъ дѣдъ мой служилъ въ Уральскомъ № 10 полку, командированн. на «цесарскую» (австрійскую) границу, въ Бессарабію. Полки Уральскаго войска командировались тогда по померамъ съ № 1 по № 10, такъ какъ по штату 1804 года Уральское войско имѣло 10-ти полковой составъ по 500 человѣкъ въ каждомъ. Приходившій съ внѣшней службы полкъ расформировывался, полкъ, такъ сказать, исчезалъ, но послѣ его командированные полки все же принимали послѣдующіе номера. Съ выкомандированіемъ послѣдняго № 10 полка, номерація

вновь командируемыхъ полковъ опять начиналась съ № 1. На внѣшней службѣ отъ Уральскаго войска тогда постоянно состояло два полка: одинъ для полицейской службы въ Москвѣ и другой—въ составѣ 2-й арміи *). Этотъ послѣдній полкъ, стоя на границѣ съ Австріей, исполнялъ обязанности пограничной стражи. Служба этихъ полковъ очень портила казаковъ нравственно. Казаки были внѣ надзора своего непосредственнаго полковаго начальства и разбирались небольшими командами въ Москвѣ по полицейскимъ частямъ и были въ непосредственномъ вѣдѣніи частныхъ приставовъ и квартальныхъ, а на границѣ,—разбивались по кордоннымъ постамъ и были въ полномъ распоряженіи таможенныхъ чиновниковъ.

XV.

У извѣстныхъ московскихъ жуликовъ было чему научиться. Такъ, напр., казаки въ Москвѣ пили даромъ водку слѣдующимъ образомъ. Два или три казака брали обыкновенный дегтярный лагунъ, чрезъ

*) Въ 20-хъ годахъ въ Россіи были двѣ арміи: 1-я, главная квартира которой была въ Могилевѣ (губернскомъ) и 2-я —въ мѣстечкѣ Тульчино (Подольской губ.).

вставленное дно клали во внутрь лагуна большую греческую губку и, купивъ водки, наливали ее въ лагунъ. Затѣмъ, по пробѣ, водка оказывалась негодной, выливалась обратно въ кабачную бочку, деньги покупателямъ возвращались; а казаки, выжавъ изъ губки водку, пили ее и шли продѣлывать этотъ фокусъ далѣе.—Разсказываютъ, что однажды казаки, стащивъ съ одного двора огромную свинью, побѣгли съ ней въ свою полицейскую казарму и были, почти по слѣдамъ, преслѣдуемы хозяевами свиньи. На полицейскомъ дворѣ свинья была моментально зарѣзана, обмыта, обернута бѣлой простыней и положена на лавкѣ подъ образа, предъ которыми затеплены были свѣчи и одинъ грамотѣй сталъ читать псалтирь. Когда частный приставъ, по жалобѣ хозяевъ украденной свиньи явился съ обыскомъ въ казарму, то хозяева свиньи, видя умиленное моленіе казаковъ объ умершемъ яко-бы товарищѣ, стѣснились въ такія минуты дѣлать обыскъ. Частный приставъ, узнавшій продѣлку казаковъ, *похвалилъ* ихъ за находчивость. Тогда былъ въ ходу девизъ: «воруй, но не попадайся».

XVI.

Въ особенности казаки любили „стоять на экзекуціи“. Это дѣлалось такъ: частный приставъ, чѣмъ-либо не довольный или имѣвшій „зубъ“ на какого-нибудь купца, ставилъ ему на постой казака. Казакъ избиралъ хорошую комнату и припасался вбивать гвозди чуть не въ зеркала, чтобы вѣшать свое оружіе и аммуницію. Конечно хозяинъ давалъ такому постояльцу 5 или 10 рублей, чтобы только избавиться отъ изъяна и порчи обоевъ и мебели.

XVII.

Въ 1869 году, будучи въ Ташкентѣ, я на тамошнемъ большомъ базарѣ встрѣтилъ одного старика — сарта, который зналъ немного по русски и занимался коммиссіонерствомъ при покупкахъ разныхъ товаровъ русскими. Разговаривая со мной, сартъ спросилъ мою фамилію и сознался, что онъ Уральскій казакъ, изъ нашихъ татаръ. Оказалось, что этотъ мнимый сартъ служилъ въ № 10 полку на „цесарской“ границѣ, попался въ пропускѣ контрабанды, дезертировалъ чрезъ Австрію въ Стамбулъ и оттуда, лѣтъ 40

назадъ, переселился въ Ташкентъ. Этотъ субъектъ помнилъ имя, отчество и фамилію своего полковаго командира—Казаркина и разсказывалъ мнѣ много подробностей, какъ наши казаки дружили съ контрабандистами.

XVIII.

Кромѣ постоянно находившихся на внѣшней службѣ двухъ полковъ отъ войска командировались: лейбъ-сотня въ Петербургъ и одна сотня для полицейской службы въ Казань. Въ 40-хъ годахъ послѣдовали измѣненія; лейбъ-сотня переименована была сначала въ лейбъ-гвардіи Уральскій казачій эскадронъ, а потомъ сформированъ былъ лейбъ-гвардіи Уральскій казачій дивизіонъ изъ 2-хъ эскадроновъ, изъ которыхъ, по-очередно, одинъ былъ на службѣ въ Петербургѣ, а другой—на льготѣ въ войскѣ. Эскадроны смѣнялись черезъ три года. Въ Москву, вмѣсто полка, начали командировать только три сотни, которыя совмѣстно съ 3-мя сотнями оренбургскихъ казаковъ, составляли „Сводный Иррегулярный полкъ Отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса“. Срокъ службы казаковъ въ Москвѣ былъ 4 1/2 года, а въ Казани— 2 года. Нарядъ полуполка въ

Москву прекратился въ 1862, а сотни въ Казань— въ 1868 году.

XIX.

Съ 1826 по 1828 годъ дѣдъ мой былъ командиромъ сотни въ Казани. Къ нему туда пріѣхала и бабушка съ своими дѣтьми. Бабушка, какъ и всѣ тогда уралки, носила свой мѣстный уральскій костюмъ и притомъ на головѣ „сороку", которая нынѣ уже не носится. Въ такомъ азіатскомъ нарядѣ натурально она обращала на себя вниманіе всего казанскаго общества. Мать моя разсказываетъ, какъ однажды, онѣ съ бабушкой, находясь на похоронахъ казанскаго коменданта, обратили на себя вниманіе своими костюмами всѣхъ бывшихъ въ церкви дамъ, и когда бабушка что-то сказала моей матери, то казанскія дамы вслухъ высказали свое удивленіе, что эти казачки знаютъ говорить по русски.

XX.

Въ 1831 году дѣдъ былъ начальникомъ Верхней дистанціи и жилъ въ Рубеженскомъ форпостѣ. Отту-

да онъ пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Уральскъ, когда въ немъ появилась холера. Дѣдъ хотѣлъ было выѣхать въ Рубежный, но городъ уже былъ оцѣпленъ и дѣду пришлось пробыть въ это страшное время около мѣсяца въ Уральскѣ. Холера была въ 1831 г. очень сильная: вымирали буквально цѣлыми семьями. Хоронить приходилось по нѣскольку тѣлъ въ одной общей могилѣ и часто безъ гробовъ. Болѣзнь эта началась съ 1 августа и продолжалась до сентября мѣсяца. Особенно много умерло въ Успеньевъ день—15 августа. Бывши до холеры съ небольшой просѣдью, дѣдъ за это время посѣдѣлъ окончательно и сдѣлался совсѣмъ бѣлый. Между тѣмъ оставшаяся въ Рубежномъ моя бабушка, очень встревоженная зловѣщими слухами, поѣхала тоже въ Уральскъ, но за оцѣпленіемъ города попасть туда не могла. Множество жителей близь находящихся къ Уральску мѣстностей толпились близь цѣпи и переговаривались съ жителями города. Въ городъ можно было передавать вещи и разные продукты, но изъ города ничего передавать было нельзя. Цѣпь изъ солдатъ квартировавшаго въ Уральскѣ линейнаго баталіона строго исполняла свои обязонности и, за малѣйшее нарушеніе карантинныхъ правилъ, солдаты били виновныхъ прикладами. Бабуш-

ка издали посмотрѣла на своего муженька, перекинулась съ нимъ нѣсколькими фразами и уѣхала обратно. Впослѣдствіи она ѣздила къ городу чуть не ежедневно, и, подъѣхавши къ цѣпи, если не видѣла у ней своего старичка, съ замираніемъ сердца, спрашивала у толпившихся на городской сторонѣ: живъ ли ея мужъ? «Живъ и здоровъ», отвѣчали ей, и успокоенная бабушка уѣзжала въ Рубежный.

XXI.

Лѣтомъ 1837 года Уральскъ имѣлъ счастіе встрѣтить Государя Наслѣдника Александра Николаевича. Его Высочество прибылъ въ нашъ городъ изъ Оренбурга. Въ день, назначенный для прибытія, на Большой-Михайловской улицѣ города, съ утра стояли массы народа. У атаманскаго дома толпились офицеры и стоялъ почетный караулъ отъ Уральскаго городоваго полка *). У крыльца поставленъ былъ столъ, на которомъ приготовлены хлѣбъ-соль.

Въ Уральскомъ войскѣ тогда была довольно зна-

*) Городовой полкъ сформированъ въ 1831 г. для караульной службы въ г. Уральскѣ и для службы на передовыхъ постахъ за рѣкою Ураломъ.

чительная партія недовольныхъ тогдашними войсковыми порядками. Особенное неудовольствіе порождали правила, выработанныя для курхайскаго и аханнаго рыболовствъ. Курхайское рыболовство производилось прежде въ «Курхайскомъ морцѣ», бывшемъ почти на границѣ съ Букеевской ордой. Когда же это морцо или заливъ высохло, то рыболовство это перенесено было въ Каспійское море, вправо и влѣво отъ устьевъ Урала. Курхайское и аханное рыболовства, обогощая весьма немногихъ, въ глазахъ большинства, казались, да и теперь кажутся, ущербомъ для главнаго кормильца войска—рѣки Урала. Когда разнеслась вѣсть о прибытіи въ Уральскъ Наслѣдника Престола, недовольные и вздумали подать Его Высочеству прошеніе объ отмѣнѣ этихъ рыболовствъ и жалобу на разныя притѣсненія своего войсковаго начальства. Въ числѣ недовольныхъ были кромѣ простыхъ казаковъ нѣкоторые и изъ *чиновниковъ*, какъ тогда вообще называли нашихъ офицеровъ. Родственникъ дѣда, тоже Ларіонъ Скворкинъ и тоже есаулъ, былъ одинъ изъ подписавшихся подъ прошеніемъ.

Въ день, назначенный для въѣзда Наслѣдника Цесаревича, толпа казаковъ, явившись къ атаманскому дому, просила нашихъ чиновниковъ поставить столъ

съ хлѣбомъ-солью за городомъ, но просьба эта не была принята. Бывшій тогда старшимъ въ городѣ — полковникъ Ѳ. Г. Бизяновъ *) долго увѣщевалъ казаковъ не омрачать наступающіе для Уральска свѣтлые дни какой-нибудь выходкой, вродѣ подачи нелѣпой просьбы; но казаки мало слушали, галдѣли свое, и имъ разрѣшено было преподнести Высокому Гостю хлѣбъ-соль за городомъ.

Пріѣздъ Наслѣдника Цесаревича, ожидавшагося съ утра, почему-то, замедлился; наступилъ уже вечеръ и многіе начали расходиться по домамъ. На Большой улицѣ зажгли плошки и фонари, а за городомъ — смоляныя бочки. Наконецъ около половины десятаго раздавшіеся крики „ура“ возвѣстили прибытіе Наслѣдника Цесаревича въ г. Уральскъ.

Когда кончился пріемъ начальствующихъ лицъ, Его Высочеству было доложено о готовомъ обѣдѣ; но, утомившись въ дорогѣ и чувствуя жажду, Наслѣдникъ спросилъ простокваши. Много приготовлено было разныхъ яствъ и напитковъ, но спрошеннаго продукта не оказалось. Бросились искать по городу, и

*) Наказный атаманъ Покатиловъ уѣхалъ встрѣчать Государя Наслѣдника на границу войска.

у одной чиновницы—Чернобровкиной нашли наконецъ искомое блюдо.

На другой день Наслѣдникъ Престола ѣздилъ на Уралъ стотрѣть примѣрное багренье и плавню. Для багренья былъ построенъ довольно большой плотъ, изображавшій собою ледъ. Въ полу сдѣланы отверстія, изображавшія проруби. Подъ плотомъ былъ садокъ, въ который помѣщена заранѣе пойманная рыба. На багры стали старшіе офицеры и начали вытаскивать осетровъ. Видя это, Наслѣдникъ Цесаревичъ спросилъ: „а быть можетъ и я могу забагрить рыбу?“ Тотчасъ Его Высочеству былъ врученъ багоръ и Имъ былъ забагренъ довольно крупный икряный осетръ. При этомъ подбагривалъ Его Высочеству Ѳ. Г. Бизяновъ.

На этомъ примѣрномъ багреньи все-же вышла неприятная исторія. Дѣло въ томъ, что строители недостаточно укрѣпили плотъ, и онъ отъ скопленія людей началъ погружаться въ воду. Цесаревичъ поспѣшно вскочилъ въ поданный 12-ти весельный катеръ, а нѣкоторымъ чиновникамъ пришлось покупаться въ парадной формѣ.

Затѣмъ Государь Наслѣдникъ смотрѣлъ прыганье съ краснаго яра казачатъ, причемъ молодежъ эта бро-

салась съ яра внизъ головой и „коломъ“, ныряла, многіе доставали со дна землю и выдѣлывали на водѣ разные фортели. Разсказываютъ, что бывшій тогда мальчикомъ М. К. Курилинъ, держась на водѣ близь самаго катера Наслѣдника, обратилъ на себя вниманіе Его Высочества. Будто бы Цесаревичъ сказалъ тогда про Курилина: „въ глазахъ этого мальчика свѣтится недюжинный умъ“. Предсказаніе, какъ оказалось, было вѣрное *).

Катеръ, на которомъ изволилъ плавать по Уралу Государь Наслѣдникъ, долго сохранялся у Митрясовской пожарной части, но сгорѣлъ во время бывшаго пожара въ 1879 году. Багоръ же, который держалъ въ своихъ рукахъ Его Высочество, сохраняется доселѣ въ Войсковомъ Хозяйственномъ Правленіи.

XXII.

Во время пребыванія своего въ Уральскѣ нынѣ въ Бозѣ почивающій Царь-Освободитель положилъ первый камень на закладкѣ Александро-Невскаго собора.

*) Меркурій Кузьмичъ Курилинъ былъ выдающійся административный дѣятель въ войскѣ. Онъ служилъ совѣтникомъ въ областномъ и хозяйственномъ правленіяхъ. Умеръ въ отставкѣ генералъ-маіоромъ.

Мѣсто подъ этотъ храмъ было намѣчено заранѣе, и частные дома, бывшіе на этомъ мѣстѣ, снесены, причемъ войско уплатило всѣ расходы по этому сносу владѣльцамъ домовъ. Александро-Невскій соборъ строился на войсковой счетъ и освященъ въ 1851 году.

XXIII.

Радостное для войска событіе—посѣщеніе нашего города Наслѣдникомъ Престола было омрачено случившимся грустнымъ эпизодомъ на проводахъ. Какъ уральская полиція не слѣдила старательно за казаками, хотѣвшими подать просьбу, но все-же въ концѣ концовъ не услѣдила. Просьба была подана и весьма неприличнымъ образомъ.

Когда экипажъ съ Наслѣдникомъ отъѣхалъ отъ атаманскаго дома, толпа казаковъ бросилась изъ Крестовой улицы на Большую и противъ нынѣшняго магазина Симакова остановила подъузцы лошадей и схватила за колеса экипажъ. «Утри, надежа-Государь, наши кровавыя слезы», завопила толпа, причемъ казаки Павловъ и Филичевъ подали Его Высочеству прошеніе, яко-бы отъ всего войска.

Этотъ Филичевъ—историческій казакъ. Онъ былъ почему-то уважаемъ бывшимъ войсковымъ атаманомъ Д. М. Бородинымъ и ходилъ къ нему за-просто. Разсказываютъ, что приходя къ атаману въ гости, Филичевъ занималъ сразу три стула: на одинъ садился самъ, на другой клалъ свою шапку, а на третій стулъ свои голицы или варьги. Донынѣ старые люди, увидя, что кто-либо занимаетъ своей шапкой порожній стулъ, замѣчаютъ: „что ты, точно Филичевъ“.

Другой податель прошенія—Павловъ былъ грубый невѣжда и дерзкій на языкъ. Разсказываютъ, что когда впослѣдствіи генералъ Перовскій,—тогдашній командиръ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, лично самъ допрашивалъ Павлова, то казакъ этотъ грубо и дерзко отвѣчалъ Перовскому и даже позволялъ себѣ острить по своему. Такъ, на замѣчаніе Перовскаго, что онъ, Павловъ, упрямый человѣкъ, Павловъ отвѣчалъ:

«Никакъ нѣтъ, В. В—ство, я живу по образу и подобію Божію и сынъ Божій».

— А я кто? Чортъ что-ли? и я Божій сынъ, нетерпѣливо закричалъ Перовскій.

„Ты сынъ-то—сынъ, да съ рыла-то синь“, отвѣчалъ Павловъ.

Это значитъ, что Перовскій брилъ бороду и имѣлъ синеву на подбородкѣ. Ну, а въ бородѣ, по понятію нашихъ раскольниковъ, и заключается подобіе Божіе.

Поданное неприличнымъ образомъ прошеніе разгнѣвало покойнаго Государя Николая Повловича и Его Величество повелѣлъ Перовскому выбить у казаковъ дурь изъ головы. Наказный атаманъ Покатиловъ, проводивъ Наслѣдника, неожиданно уѣхалъ въ Оренбургъ и тамъ, говорятъ, насказалъ Перовскому, что въ Уральскѣ опасное броженіе умовъ и затѣвается чуть не бунтъ. Перовскій двилулся къ Уральску съ войсками: двумя линейными баталіонами и тремя полками башкиръ и тептярей при ротѣ *) оренбургской казачьей артиллеріи. Дѣдъ мой при этомъ разсказывалъ еще, что будто бы Покатиловъ писалъ исправлявшему временно должность наказнаго атамана—полковнику Бизянову, чтобы, при приближеніи Перовскаго къ городу, на городскомъ валу былъ поставленъ городовой полкъ, а изъ орудій, бывшихъ тогда въ войсковомъ арсеналѣ, была произведена салюта-

*) Тогда нынѣшнія артиллерійскія батареи именовались ротами.

ціонная пальба. Бизяновъ, получивъ письмо, очень удивился такому распоряженію и, посовѣтовавшись съ нѣкоторыми старшими войсковыми чиновниками, рѣшилъ назначить немедленно сѣнокосъ, чтобы удалить изъ города казаковъ, а салютаціонной пальбы не производить во избѣжаніе могущихъ произойти недоразумѣній. Какъ рѣшили, такъ и сдѣлали. Когда Перовскій вошолъ съ войсками въ Уральскъ, городъ былъ пустъ, и на вопросъ Перовскаго — гдѣ казаки? — Бизяновъ отвѣтилъ, что казаки всѣ на валовомъ покосѣ.

XXIV.

Началось разслѣдованіе о поданномъ Наслѣднику прошеніи. Многихъ казаковъ, послѣ наказанія сквозь строй, сослали въ Сибирь; другихъ, послѣ тѣлеснаго наказанія, оставили въ войскѣ; чиновники, подписавшіе просьбу, были разжалованы. Въ видѣ же общаго взысканія, изъ войска велѣно немедленно снарядить четыре полка.

При снаряженіи этихъ полковъ казакамъ пришлось туго. Дѣло въ томъ, что при тогдашней численности казаковъ, четыре полка составляли двѣ трети

всего наличнаго состава, и слѣдовательно одинъ оставшійся дома казакъ долженъ былъ нанять двухъ. Наемка была дорогая, потому что полки шли безсрочно. Сходило, говорятъ, по 1 1/2 и даже по двѣ тысячи рублей съ каждаго, оставшагося дома казака. Счетъ рублей хотя былъ тогда на ассигнаціи, но всѣмъ извѣстно, что ассигнаціонный рубль тогда значилъ тоже, что теперь рубль серебряный.

Полки были снаряжены относительно скоро и осенью того же 1837 года выступили: № 1 полкъ—подполковника Осипова—на Кавказъ, № 2—подполковника Акутина—въ Бессарабію, № 3 - войсковаго старшины Маркова-- въ Финляндію и № 4 - полковника Бизянова,—впредь до особаго приказанія, оставленъ былъ въ войскѣ и расквартированъ на Нижне-Уральской линіи.

XXV.

Старшій сынъ дѣда, и мой дядя - Захаръ Ларіоновичъ Скворкинъ, бывшій тогда урядникъ, назначенъ былъ въ № 1 полкъ на Кавказъ. Трудно было дѣду собрать на службу своего сына. Тогда урядники не получали подмоги, какъ теперь. На сборку

при назначеніи въ полки, урядники получали только по одному полуимперіалу. Чрезъ это званіемъ урядника тяготились многіе казаки и, какъ милости, просили не производитъ ихъ въ урядники. Только въ концѣ 50 хъ годовъ, при наказномъ атаманѣ А. Д. Столыпинѣ, разрѣшено было выдавать урядникамъ подмогу наравнѣ съ рядовыми казаками, въ виду поддержанія урядничьяго званія.

Дядя мой З. Л. Скворкинъ разсказывалъ мнѣ о катастрофѣ, случившейся у нихъ, въ полку, на Кавказѣ. № 1 полкомъ, какъ я упоминалъ, командовалъ подполковникъ Осиповъ. Человѣкъ онъ былъ очень хорошій, но имѣлъ острый языкъ и часто острилъ надъ однимъ офицеромъ своего полка—И. Ѳ. Б—мъ. Б—въ былъ кривъ на одинъ глазъ. Вотъ надъ этимъ то тѣлеснымъ недостаткомъ и острилъ Осиповъ. Однажды, выходя изъ полковой канцеляріи, Осиповъ встрѣтилъ Б—ва съ ружьемъ при двухъ пистолетахъ. Увидя такъ вооруженнаго Б—ва, Осиповъ спросилъ его:

„Что на охоту, что-ли собрались И. Ѳ—чъ?“

—„Да, полковникъ, отвѣчалъ Б—въ, прежде стрѣлялъ въ звѣрей, а теперь хочу стрѣлять въ людей“, и съ этимъ послѣднимъ словомъ выстрѣлилъ въ упоръ изъ одного пистолета въ своего полковаго командира.

Осиповъ упалъ, будучи тяжело раненъ. Вслѣдъ за тѣмъ Б--въ изъ другаго пистолета выстрѣлилъ себѣ въ ротъ и упалъ мертвымъ. Подполковникъ Осиповъ умеръ отъ раны чрезъ нѣсколько дней.

XXVI.

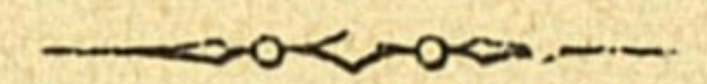
№ 1 полкъ участвовалъ отдѣльными сотнями и небольшими командами во многихъ дѣлахъ съ горцами. Дядя мой получилъ на Кавказѣ, за военныя отличія, знакъ отличія военнаго ордена и чинъ хорунжаго.

Климатъ Грузіи, гдѣ стоялъ 1-й полкъ, былъ убійственный для нашихъ казаковъ. Умершихъ въ полку было много, такъ что послѣ 4-хъ лѣтняго пребыванія полка на Кавказѣ, оставалось въ немъ не болѣе 300 чоловѣкъ. Наступилъ 1842 годъ, т. е. 5-й годъ пребыванія полка на Кавказѣ, а смѣны или отпуска домой не предвидѣлось. Казаки надумались соорудить полковой образъ—Покрова Пресвятой Богородицы. Жертвовали всѣ, даже казаки-татары и калмыки. Икона эта находится теперь въ Михайло-Архангельскомъ соборѣ, куда была пожертвована полкомъ по возвращеніи его на родину.

Въ 1842 г. полкъ расположенъ былъ по станціямъ

военно-грузинской дороги для конвоированія почтъ и проѣзжающихъ. Въ это время проѣзжалъ тутъ вновь назначенный начальникомъ штаба Кавказскаго корпуса полковникъ П. Е. Коцебу *). Казаки умѣли ему очень понравиться своей ловкостью, расторопностью и услужливостью. Коцебу началъ съ ними благосклонно разговаривать. Пользуясь случаемъ, казаки описали ему свое несчастное положеніе, что, будучи ни въ чемъ неповинны, обречены на безсрочную службу, обносились, всѣ переболѣли и сильно тоскуютъ по родинѣ. Коцебу выслушалъ просьбу казаковъ и, исключительно по его ходатайству, въ 1842 году изъ Уральскаго войска былъ двинутъ на Кавказъ № 7 полкъ на смѣну полка № 1-го.

Въ 7-мъ полку пошолъ на службу второй сынъ дѣда — Петръ Ларіоновичъ. Онъ былъ хорунжій и состоялъ въ должности полковаго адъютанта. Этотъ мой дядя не вынесъ грузинскаго климата и тамъ скончался отъ изнурительной кавказской лихорадки въ 1845 году.



*) Впослѣдствіи графъ и Варшавскій генералъ-губернаторъ.

Походъ въ Хиву въ 1839 году.

I.

Наступилъ 1839 годъ, знаменитый по воспоминаніямъ въ Уральскомъ войскѣ по случаю похода въ Хиву въ этомъ году графа Перовскаго со ввѣренными ему войсками отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса.

Съ этимъ именемъ Хивы уральское населеніе соединяло понятіе, какъ объ чемъ-то мифически-легендарномъ. По понятіямъ нашихъ старинныхъ грамотѣевъ самое взятіе Хивы приравнивалось чуть-ли не ко времени пришествія Антихриста. Въ очеркахъ Уральскаго быта г. Витевскаго есть указаніе, что извѣстный многимъ уральскій начетчикъ, нѣкто Тарасовъ, предсказывалъ о неудачѣ похода Перовскаго въ Хиву задолго до самаго похода. „Еще не настало, по святому писанію, время взять Хиву“, говорилъ Тарасовъ.

Наши казаки издавна уже были знакомы съ Хивой. Извѣстно, что наши атаманы Нечай и Шамай

ходили съ своими казаками въ Хиву еще въ XVII столѣтіи. У казаковъ объ этихъ походахъ осталось одно преданіе. Письменныхъ документовъ не могло быть, потому что предки наши не знали грамоты. У хивинцевъ же, какъ и вообще монгольскихъ или тюркскихъ народовъ, со временемъ принятія Ислама, грамотность и даже литература была развита среди высшаго сословія и магометанскаго духовенства. О походѣ нашихъ казаковъ въ Хиву въ 1605 году дошолъ до насъ письменный документъ. Это „Родословная исторія о татарахъ", составленная хивинскимъ ханомъ Абулгази-Баядуръ-Ханомъ, при отцѣ котораго Арабъ-Магометъ-Ханѣ былъ и самый походъ. Абулгази о походѣ нашихъ казаковъ въ Хиву въ 1605 году разсказываетъ такъ:

„Когда десять хивинскихъ купцовъ пришли къ Яику съ товарами, то яицкіе казаки узнали отъ нихъ, что хивинскій ханъ лѣтомъ кочуетъ съ ордой своей на берегахъ Аму; тогда они, убивъ восемь изъ этихъ купцовъ, остальныхъ двухъ взявъ вмѣсто провожатыхъ, пошли, въ числѣ 1000 человѣкъ, въ хивинское ханство и, подойдя къ городу Куня-Ургенчу (древній Ургенчъ), ворвались въ городъ, изрубили его жителей, забрали въ немъ лучшіе товары, нагрузили ими тысячу арбъ, взяли съ собой тысячу жен-

щинъ и пошли назадъ. Но, вѣроятно, замѣшкались своимъ возвращеніемъ. Арабъ-Магометъ-Ханъ, узнавъ о набѣгѣ казаковъ, немедленно погнался за ними, настигъ ихъ въ какомъ-то ущельѣ, пересѣкъ имъ дорогу и заставилъ пробиваться силою. Казаки, послѣ двухдневнаго кровопролитнаго боя, хотя успѣли пробиться, но должны были оставить всю свою добычу вмѣстѣ съ взятыми красавицами. При дальнѣйшемъ ихъ движеніи, Арабъ-Магометъ-Ханъ обходомъ настигъ ихъ въ другомъ тѣсномъ мѣстѣ, гдѣ казаки не могли уже пробиться. Воды тутъ было мало, и казаки для утоленія жажды принуждены были пить кровь убитыхъ своихъ товарищей и послѣ продолжительнаго боя были истреблены. Едва сотня изъ нихъ успѣла уйти и укрыться близь города Тука, на берегу рѣки Кчессиль (судя по нѣкоторымъ мѣстамъ исторіи Абулгази, надо полагать, что это одно изъ русль рѣки Аму-Дарьи, а тѣснины, о которыхъ говоритъ Абулгази, были, вѣроятно, спуски и всходы Усть-Урта). Здѣсь казаки питались рыбной ловлей, ожидая благопріятнаго случая возвратиться домой; но чрезъ 15 дней были открыты и истреблены, исключая нѣсколькихъ счастливцевъ, успѣвшихъ какъ то добраться до Яика и повѣдать эту грустную исторію.

Госуд. ростенная
ордена Ленина

Хотя Абулгази не пишетъ изъ какого мѣста уральской линіи выступили казаки, какимъ путемъ шли, въ какомъ составѣ шолъ ихъ отрядъ и, не смотря на стереотипное число 1000 казаковъ, 1000 арбъ и 1000 захваченныхъ женщинъ, разсказу этому въ общихъ чертахъ нельзя не вѣрить, потому что набѣгъ совпадалъ со временемъ его (Абулгази) рожденія и напоминалъ ему данное, по случаю этого событія, его имя. Не смотря на сжатость разсказа, можно изъ него видѣть, что бездомные яицкіе казаки, желая обзавестись женами, сдѣлали набѣгъ на Хиву, пришли въ Куня-Ургенчъ исправно, захватили много себѣ невѣстъ, и если-бъ не домогались объ увеличеніи ихъ приданаго, то, могло быть, благополучно бы возвратились домой. Но замѣшкавшись грабежемъ, были настигнуты въ тѣснинахъ съ своимъ большимъ обозомъ и сдѣлались жертвою излишней отваги *).

Нашъ даровитый писатель Александръ Павловичъ Хорошхинъ описалъ этотъ походъ звучными, гармоничными стихами. Приводимъ эти стихи на память о безвременно погибшемъ нашемъ дорогомъ сослуживцѣ **).

---

*) См. «Зимній походъ въ Хиву въ 1839—40 гг.»—Иванина.

**) Подполковникъ Уральскаго войска А. П. Хорошхинъ убитъ въ сраженіи подъ Махрамомъ (Ферганской области) въ 1875 году.

УРГЕНЧЪ.

(Преданіе 1605 года.).

По крутымъ берегамъ вдоль Яика рѣки,
Видны здѣсь, видны тамъ, какаки, казаки...
Все-то вольный народъ, всюду сабли стучатъ,
Нѣтъ печали, заботъ, всюду пѣсни звучатъ.
Здѣсь и тамъ тумаки, черный волосъ до плечъ,
И шумятъ казаки и свободна ихъ рѣчь.
Вотъ кружокъ,—атаманъ въ серединѣ стоитъ.
—„Что намъ сдѣлаетъ ханъ? громко онъ говоритъ:
—Городъ брошенъ, слышь, имъ, ни хивинца
въ немъ нѣтъ,
Со всѣмъ войскомъ своимъ ханъ Арабъ-Магометъ
На кочевкѣ живетъ. Мы къ Ургенчу пойдемъ;
Кто желаетъ въ походъ? Всколыхнулась кругомъ
Вся толпа .. „На коней“! всюду слышится крикъ
И летитъ вдоль степей онъ неистовъ и дикъ.
Дремлетъ знойная степь... Вонъ, обозъ казаковъ
Протянулся, какъ цѣпь, по вершинамъ холмовъ.
Славно сдѣланъ набѣгъ: взято шелкъ, серебро;
Въ девятьсотъ, слышь, телѣгъ все поклали добро,
Да красавицъ, къ тому жъ, взято въ плѣнъ
девятьсотъ.
Всколыхнулась Аму, когда гаркнулъ «въ походъ!«

Ханъ-Арабъ, услыхавъ про набѣгъ казаковъ,
И помчался стремглавъ Ханъ-Арабъ на враговъ
Дремлетъ знойная степь, и обозъ казаковъ
Протянулся, какъ цѣпь, по вершинамъ холмовъ
Что за пыль тамъ взвилась въ сторонѣ, далеко
И столбомъ поднялась высоко, высоко?..
То, быть можетъ, косякъ лошадей, дикихъ козъ
Зорко смотритъ казакъ,—остановленъ обозъ ..
Ближе, ближе... И вотъ гулъ пошолъ по толпамъ
Вмѣсто козъ, лошадей, на всцѣненныхъ коняхъ
Мчалась туча людей съ ярой злобой въ очахъ..
И шайтаны не такъ были бъ страшны въ тотъ мигъ...
Но не дрогнулъ казакъ .. „Сабли вонъ!“ ревъ и гикъ раздались,
И въ пыли, словно духи толпой
Въ одинъ мигъ изъ земли они ринулись въ бой..
Въ мигъ свернули въ кружокъ свой обозъ каки,
И защелкалъ курокъ, засверкали клинки..
Бьются день. Солнце жжетъ. Обложилъ врагъ кругомъ
И вздохнуть не даетъ подъ палящимъ лучемъ
Жаждой мучимъ казакъ, кровь изъ труповъ онъ пьетъ.

Сталъ кругомъ лютый врагъ—нѣтъ ни шагу
впередъ!
Бьются ночь. Кучи тѣлъ вознеслись здѣсь и
тамъ,
И орелъ прилетѣлъ къ посинѣвшимъ тѣламъ.
Удалился орелъ—и голодной толпой,
Когда мѣсяцъ взошелъ, волки подняли вой!
Да, не даромъ далась эта битва врагамъ,
Но не даромъ пришлась и лихимъ казакамъ:
Не одинъ лютый врагъ въ этой битвѣ погибъ,
Ни единый казакъ не пришелъ на Яикъ—
Всѣ погибли... Орелъ трупы съ клектомъ терзалъ,
Да, какъ мѣсяцъ взошелъ, волкъ голодный
ихъ рвалъ...
Даже въ пѣснѣ простой нѣтъ ни слова о томъ,
Какъ былъ страшенъ тотъ бой, какъ валился
кругомъ
И ревѣлъ лютый врагъ, какъ гудѣлъ стонъ и
гикъ,
И какъ бился казакъ и пеистовъ, и дикъ.

II.

Въ 1714 году въ Петербургъ пріѣхалъ туркменъ Хаджи Нефесъ и имѣлъ личную аудіенцію у Великаго Императора Петра. Нефесъ разсказалъ Царю о богатствѣ средне-азіатскихъ странъ и увѣрилъ Петра, что рѣка Аму-Дарья искусственно отведена хивинцами въ Аральское море, впадая прежде въ Каспійское море. Что если уничтожить плотины, сооруженныя хивинцами, то воды Аму устремятся по старому руслу въ Каспійское море, черезъ что откроется путь въ Индію. Императоръ щедро наградилъ Нефеса за переданныя имъ свѣдѣнія и поручилъ князю Бековичу немедленно провѣрить показаніе Нефеса. Бековичъ былъ выходецъ изъ кавказскихъ земель, принявшій православіе и былъ женатъ на русской боярышнѣ. Онъ былъ капитанъ гвардіи, что тогда означало очень высокое служебное положеніе. Въ распоряженіе Бековича было дано нѣсколько судовъ съ достаточнымъ числомъ матросовъ. Бековичъ осмотрѣлъ восточные берега Каспійскаго моря и въ 1715 году представилъ подробную карту этихъ береговъ и свои розысканія относительно стараго русла Аму-Дарьи.

Въ 1716 году по повелѣнію Царя были заложены крѣпости: одна при бывшемъ устьѣ Аму, гдѣ нынѣ

гор. Красноводскъ, и другая крѣпость на ур. Тюкъ-Караганъ при заливѣ Александръ-Бай. Въ обѣ крѣпости назначены гарнизоны изъ Казанскаго, Азовскаго и Астраханскаго пѣхотныхъ полковъ. Крѣпости эти должны были служить базою *) при дальнѣйшемъ походѣ Бековича, и въ нихъ сложено было продовольствіе и всѣ военные запасы для предполагавшейся экспедиціи. Всѣ приготовленія къ походу дѣлались въ Астрахани.

Въ состовъ отряда князя Бековича вошли:

Полкъ драгунъ—600 человѣкъ.

Нѣсколько ротъ пѣхоты, посаженной на лошадей—500 чел.

6 орудій съ артиллерійской прислугой—200 чел.

Яицкихъ казаковъ—1500 чел.

Гребенскихъ казаковъ—500 чел.

Астраханскихъ дворянъ, мурзъ и ногайскихъ татаръ—500 чел.

Сверхъ того при отрядѣ было до 200 купцовъ и розночинцевъ. А всего людей было до 4000 челов. Для перевозки отряда изъ Астрахани назначено было 138 разныхъ судовъ. Съ этимъ отрядомъ Бековичу повелѣно было идти въ Хиву, по направленію стараго русла Аму-Дарьи, до плотины, останавливавшей

*) Опора для наступающихъ впередъ войскъ.

теченіе водъ р. Аму въ Каспійское море и, буде возможно, разоривъ плотину, обратить теченіе рѣки Аму къ старому направленію, а прочія русла запереть; хивинскаго же хана склонить къ добровольному подданству.

Для перевозки продовольствія для пѣхоты было куплено 297 лошадей, драгунамъ дано было по одной вьючной лошади на двухъ человѣкъ; казаки имѣли своихъ вьючныхъ лошадей; подъ разныя тяжести велѣно было купить 200 верблюдовъ, платя по 10 р. за верблюда. Кромѣ того взято было 300 арбъ и телѣгъ. Сверхъ провіанта на каждаго человѣка въ отрядѣ было запасено по полупуду сушеной рыбы, по ведру вина и уксусу и выдано каждому по шубѣ.

III.

Окончивъ всѣ приготовленія, Бековичъ вышелъ изъ Астрахани на Пасху 1717 г. Пѣхота и артиллерія плыла на судахъ моремъ изъ Астрахани въ Гурьевъ; конница шла туда же сухопутно вдоль берега. Изъ Гурьева отрядъ на 7-й недѣли послѣ Пасхи *) дви-

*) Въ 1717 году недѣля Пасхи была съ 21 по 28 апрѣля. Слѣдовательно, изъ Гурьева Бековичь выступилъ около половины іюня мѣсяца.

нулся на Эмбу, вонолъ на Усть-Уртъ у мыса Мынъ-су-алмазъ, шолъ по Усть-Урту черезъ пески Самъ, урочища: Беляулы, Дурали и Ялгизу. При этомъ послѣднемъ урочищѣ Бековичъ оставилъ 1000 казаковъ для поправленія ихъ лошадей. Казаки эти впослѣдствіи догнали отрядъ при спускѣ съ Усть-Урта. —15 августа. Если принять разстояніе отъ Гурьева до урочища Карагачъ, гдѣ спустился Бековичъ съ Усть-урта, до 1000 вер., то отрядъ его шолъ крайне медленно. Объясняется это тѣмъ обстоятельствомъ, что Бековичъ для сбереженія силъ людей и лошадей дѣлалъ частыя и продолжительныя остановки; а для добыванія воды копались колодцы, которые на Усть-уртѣ очень глубоки. Спустившись съ Усть-урта, Бековичъ пошолъ уже по хивинскому оазису и на арыкѣ Лауданъ при кишлакѣ Порсу былъ атакованъ хивинцами въ числѣ 24 тыс. ч. Отрядъ былъ окруженъ хивинцами со всѣхъ сторонъ и мужественно въ теченіи 3-хъ сутокъ отбивалъ всѣ нападенія непріятеля, причемъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ нанесъ хивинцамъ чувствительныя потери. Видя безуспѣшность своихъ нападеній, хивинцы прибѣгли къ хитрости. Они вошли въ переговоры съ Бековичемъ, который прямо, категорически потребовалъ отъ нихъ

продовольствіе для отряда. Хивинцы согласились, но просили для лучшаго продовольствованія русскихъ, отрядъ раздѣлить по частямъ и части эти направить въ разные города. Не смотря на протестъ нѣкоторыхъ начальниковъ частей, Бековичъ согласился исполнить просьбу хивинцевъ. Отрядъ былъ раздѣленъ на 5 частей. Хивинцы одновремено врасплохъ напали на разъединенныя части отряда и уничтожили его. При этомъ большинство было убито, нѣкоторые же обращены были въ рабство. Впослѣдствіи нѣкоторые плѣнные были освобождены, прибыли въ Россію и отъ нихъ то узнали нѣкоторыя подробности о гибели отряда. Къ несчастію всѣ добытыя свѣдѣнія крайне разнорѣчивы, но въ общемъ, именно въ фактѣ разъединенія отряда и разбитія его по частямъ, показаія всѣхъ плѣнныхъ сходственны. Съ Бековича, будто, съ живаго была содрана кожа и онъ былъ сваренъ въ котлѣ.

Есть указаніе, что Бековичъ во время похода былъ немного тронутъ въ разсудкѣ вслѣдствіе большого семейнаго несчастія: жена его, ѣздившая изъ Астрахани провожать мужа, утонула въ морѣ во время бури при возвращеніи съ проводовъ въ Астрахань. Этимъ только и объясняютъ безразсудное рѣшеніе раздѣлить отрядъ на части.

О гибели отряда князя Бековича есть еще такой варіантъ разсказа:

Когда хивинцы, послѣ безуспѣшныхъ нападеній на русскій отрядъ, вошли въ переговоры, то Бековичъ требовалъ, чтобы запрудили русло р. Аму, шедшее въ Аральское море и разрушили плотину, удерживавшую воду, направлявшуюся по другому руслу къ Каспійскому морю. Когда же хивинцы представили трудность этого выполненія, то Бековичъ взялся самъ выполнить эти работы; потребовалъ аманатовъ, т. е. заложниковъ и пошолъ къ мѣсту, гдѣ нужно было устраивать плотину по рукаву, шедшему въ Аральское море. Аманаты повели его степными мѣстами, гдѣ кромѣ болотной воды, въ маломъ количествѣ, ничего небыло и воды не доставало на цѣлый отрядъ. Пройдя 5 дней, отрядъ началъ очень нуждаться въ водѣ; аманаты-проводники предложили раздѣлить отрядъ и идти разными путями, чтобы найти удобнѣе воду. Бековичъ принужденъ былъ раздѣлить отрядъ на части, которыя и были истреблены хивинцами.

О несчастномъ походѣ Бековича на Уралѣ остались печальныя воспоминанія. Казаки Бековича для сокращенія называютъ «Бекычъ». До нынѣ еще можно слышать выраженіе «пропалъ, какъ Бекычъ въ Хи-

вѣ». Выраженіе это равносильно общеизвѣстной фразѣ «пропалъ или погибъ какъ шведъ подъ Полтавой».

IV.

Въ третій разъ наши казаки ходили подъ Хиву въ зиму 1825—1826 г. подъ начальствомъ генеральнаго штаба полковника Берга *). Походъ этотъ былъ предпринятъ подъ предлогомъ рекогносцировки западныхъ береговъ Аральскаго моря и невелировки уровня Каспійскаго и Аральскаго морей. Судя же по приготовительнымъ мѣрамъ къ походу, можно съ большою увѣренностью предполагать, что цѣль похода была, если представится возможность, наказать хивинцевъ за подстрекательство киргизъ и туркменъ къ похищенію нашихъ подданныхъ и продажу ихъ въ рабство въ Хиву.

Въ отрядѣ полковника Берга состояло:

Пѣхоты изъ оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ 472 чел.

4 сотни Оренбургскихъ казакоевъ—400 чел.

---

*) Впослѣдствіи графъ, генералъ фельдмаршалъ и намѣстникъ Царства Польскаго.

3 полка Уральскихъ казаковъ, по 4 сотни въ каждомъ—1200 чел.

Всего въ отрядѣ было 2300 чел. при 6 легкихъ казачьихъ орудіяхъ съ артиллерійскою прислугою: 4 орудія изъ Оренбургскихъ и 2 орудія изъ Уральскихъ казаковъ.

Обозъ отряда состоялъ изъ 870 нароконныхъ повозокъ. Лошади для обоза поставлены были по наряду отъ казачьихъ войскъ Оренбургскаго края:

Оренбургскаго	600.
Уральскаго	500.
Башкирскаго	540.

Сверхъ того при движеніи отряда по киргизской степи было куплено 100 верблюдовъ въ устьяхъ рѣки Эмбы.

Отрядъ выступилъ изъ Сарайчиковской крѣпости *) 16 декабря 1825 г. и шолъ вдоль камышей Каспійскаго моря—250 верствъ. Пройдя р. Эмбу 27 декабря, полк. Бергъ направился къ Усть-Урту откры-

*) Нижняя Утальская линія состояла изъ крѣпостей: Сахарновской, Калмыковской, Горской, Кулагинской, Тополинской, Баксайской и Сарайчиковской. Прочія поселенія именовались форпостами, отъ французскаго слова fort-post. Крѣпости имѣли 1 или 2 орудія и большее число линейной команды, нежели форпосты.

той степью. Здѣсь отрядъ встрѣтилъ большое затрудненіе отъ глубокаго снѣга. Явилась большая болѣзненность, и Бергъ принужденъ былъ возвратить отрядъ на линію, кромѣ Уральскихъ казаковъ и артиллеріи. Съ одними уральцами полковникъ Бергъ, пройдя 120 верстъ степью, вошолъ на Усть-Уртъ 11 января 1825 г. и двинулся далѣе къ Аральскому морю, до котораго оставалось еще 240 верстъ. Достигнувъ этого моря у урочища Касарма, Бергъ прошолъ около 80 верстъ по западному берегу въ южномъ направленіи и 11 февраля пошолъ обратно прямымъ путемъ на нижнюю Уральскую линію. Пройдя 360 вер., отрядъ спустился съ Усть-Урта, а пройдя еще 440 верстъ, отрядъ достигъ до Сарайчика 5 марта 1826 года.

За время похода морозы были особенно сильны въ февралѣ мѣсяцѣ, когда въ нѣкоторые дни морозъ достигалъ до 31° по Реомюру. Больныхъ за весь походъ было 7 челов., изъ которыхъ 5 умерло.

Бергъ очень лестно отозвался въ своемъ донесеніи объ нашихъ казакахъ. Выносливость ихъ просто удивляла Берга. Въ особенности ему доставляло удовольствіе, что казаки умѣли скоро находить изъ подъ снѣга горючій матеріалъ и приготовляли себѣ пох-

лебку иногда ранѣе, чѣмъ самъ Бергъ могъ выпить чаю. На Усть-Уртѣ онъ взялъ себѣ въ прислугу одного нашего казака— Почиталина и въ 1870 годахъ, будучи въ должности Намѣстника и находясь временно въ Петербургѣ, съ нашими презентщиками прислалъ этому казаку свой фотографическій портретъ съ собственноручною надписью и 100 р. денегъ.

V.

Хивинцы, пользуясь ~~неудобностью~~ недоступностью своей страны, дѣлали большія затрудненія къ утвержденію русской власти надъ подвластными намъ киргизами. Хотя киргизы и приняли русское подданство еще въ срединѣ прошлаго столѣтія, въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, но принадлежали Россіи только номинально. Подстрекаемые своими единовѣрцами — хивинцами, киргизы дѣлали набѣги на оренбургскую и уральскую пограничныя линіи; нерѣдко прорывались чрезъ линію, грабили мирныхъ жителей и уводили ихъ въ плѣнъ. Изъ невольниковъ въ Хивѣ,— русскіе по своей силѣ, дѣятельности, смышлености предпочитались невольникамъ прочихъ народовъ и цѣнились гораздо дороже. За русскаго, среднихъ лѣтъ и

здороваго, платили на наши деньги по 300 р. сер., а за персіянина, при такимъ же условіяхъ,—только половину. Эта значительная цѣна русскихъ невольниковъ поощряла киргизъ и туркменъ къ захвату въ плѣнъ русскихъ подданныхъ.

Хивинскій оазисъ очень незначительный. Онъ находится къ югу отъ Аральскаго моря при устьяхъ р. Аму-Дарьи. Длина его верстъ 300, ширина верстъ 80. Осѣдлыхъ жителей немного болѣе полумилліона. Жители состоятъ изъ узбековъ—народа, завоевавшаго эту страну въ XVI столѣтіи, татжиковъ, каракалпаковъ, потомковъ плѣнныхъ русскихъ и персіанъ и пр. Есть также значительное количество осѣдлыхъ туркменъ. Хивинскому хану были подвластны тогда разныя племена киргизъ и туркменъ, кочевавшіе между р. Аму и восточнымъ берегомъ Каспійскаго моря.

Осѣдлые жители занимаются преимущественно земледѣліемъ, причемъ всѣ поля орошаются искусственно водами Аму-Дарьи. Для этого все ханство перерѣзано множествомъ вырытыхъ каналовъ, сооруженіе которыхъ поражаетъ насъ своей грандіозностью. Нѣкоторые каналы просто рѣки, саженъ по 30 ширины, и очень глубоки; по нимъ производится судоходство, и только огромные земляные валы, идущіе по

берегамъ такихъ рѣкъ, свидѣтельствуютъ, что все это устроено руками человѣка.

Хива отдѣляется отъ Россіи обширной маловодной степью, нѣкоторыя пространства которой скорѣе можно назвать пустынею. Сѣверные предѣлы этой степи имѣютъ прѣсныя вольныя *) воды; въ южныхъ же предѣлахъ вода преимущественно солонцеватая или горькая. Обитатели этой степи—киргизы кочуютъ весной въ сѣверныя части степи, а осенью многіе кочуютъ въ южныя, гдѣ есть растенія, непригодныя лѣтомъ и служащія хорошимъ кормомъ для скота, когда ихъ хватитъ морозомъ.

Русское правительство, преслѣдуя цѣль замиренія киргизскихъ родовъ и наказанія Хивы, издавна разслѣдовало пути къ Хивѣ чрезъ посылку разныхъ ученыхъ и посольскихъ миссій и снаряжаемыхъ на казенный счетъ торговыхъ каравановъ. Такъ въ 1819 году изъ Красноводска ходилъ въ Хиву капитанъ Муравьевъ, посланный туда знаменитымъ Ермоловымъ, тогдашнимъ командиромъ грузинскаго корпуса на Кавказѣ. Путь этотъ очень короткій,—всего

*) Такъ у насъ принято называть воду въ рѣкахъ и озерахъ въ отличіе отъ воды въ колодцахъ.

600 верстъ, но не обиленъ кормами и водой. Къ тому же обитатели этой части степи очень тяготѣли тогда къ Хивѣ и намъ невозможно было на этомъ пути достать верблюдовъ и вожаковъ.

Два пути извѣстны были въ Хиву съ Мангишлака, длиной 900 и 700 верстъ; но эти оба пути слишкомъ скудны водой и подножнымъ кормомъ. Здѣсь встрѣчаются колодцы до 20 саженъ глубины, въ случаѣ порчи которыхъ отрядъ могъ совсѣмъ остаться безъ воды.

При этомъ нужно добавить, что всѣ эти пути съ Кавказа были тогда неудобны по отсутствію казенныхъ судовъ на Каспійскомъ морѣ, а частныхъ было очень мало, чтобы можно было перевезти моремъ значительный отрядъ съ его тяжестями.

Изъ Оренбурга можно было идти въ Хиву двумя путями: по восточную и западную сторону Аральскаго моря. Первый путь чрезъ низовья Сыръ-Дарьи длиной 1400 верстъ и былъ извѣстенъ намъ тогда только по разсказамъ; да къ тому же мы еще не владѣли тогда низовьями Сыръ-Дарьи.

Путь въ Хиву по западному берегу Арала идетъ сначала изъ Оренбурга къ бывшему Эмбенскому укрѣпленію, построенному въ 1839 году при устьѣ

р. Аты-Джаксы въ Эмбу *). На этомъ разстояніи, на 500 верстахъ, подножнаго корма, воды и топлива вполнѣ достаточно. Далѣе путь этотъ до подъема на Усть-Уртъ, 200—250 верстъ, идетъ мѣстностью большею частію солонцеватою и имѣетъ воду и кормы скудные. По Усть-Урту, на разстояніи 500 верстъ, кормъ тоже скудный; вода только въ колодцахъ, глубиной отъ 8 до 20 саженъ. По спускѣ съ Усть-Урта, обойдя Айбугирскій заливъ, по мѣстности, обладающей вольной водой и изрядным кормомъ, пройдя 70 вер., путь этотъ приводитъ въ оазисъ у города Куня-Ургенча. Длина всего этого пути 1300 верстъ, изъ которыхъ 800 вер. по малокормнымъ и маловоднымъ мѣстамъ. Путь этотъ хорошо изслѣдованъ былъ только до Эмбы; дальше же извѣстенъ былъ только по разсказамъ.

Что касается путей, идущихъ въ Хиву съ нижней Уральской линіи, изъ Сарайчика, или изъ Калмыкова, то оба эти пути, хотя значительно и короче пути изъ Оренбурга, но скудны растительностью и тоже маловодны. При этомъ здѣсь до подъема на

*) Это укрѣпленіе не нужно смѣшивать съ бывшимъ Эмбенскимъ постомъ, близь Темира, сооруженнымъ гораздо позже и упраздненнымъ въ 70 годахъ,

Усть-Уртъ встрѣчаются *соры*, болотистыя солончаковыя мѣста, удобопроходимыя только въ жару и во время морозовъ. При ненастной же, дождливой погодѣ, соры эти непроходимы. Все это было извѣстно, вслѣдствіе рекогносцировки полковника Берга.

VI.

Планъ похода на Хиву составленъ былъ полковникомъ Бергомъ. По этому плану нужно было отряду, силою до 5000 чел., выступить съ Оренбургской линіи осенью; дойти до урочища Донгузъ-Тау, половины пути, здѣсь выстроить укрѣпленіе, снабдивъ его запасами продовольствія для всего дѣйствующаго отряда и ранней весной, когда на Усть-Уртѣ бываютъ лужи снѣговой воды, идти далѣе.

Планъ этотъ переданъ былъ въ 30 хъ годахъ на обсужденіе командиру Оренбургскаго корпуса и начальнику Оренбургскаго края генералу Перовскому. При этомъ Перовскому дано широкое полномочіе видоизмѣнять планъ, назначить составъ отряда, выбрать время и избрать путь по собственному своему усмотрѣнію.

XII.

Генералъ Перовскій рѣшилъ предпринять походъ въ Хиву осенью 1839 года изъ Оренбурга по западному берегу Аральскаго моря. Въ составъ отряда назначено:

3 1/2 баталіона пѣхоты изъ Оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ № 2, 4 и 6 и двѣ роты № 1 баталіона.

Дивизіонъ 1 го оренбургскаго коннаго казачьяго полка *).

Три сотни оренбургскихъ казаковъ и башкиръ.

4 и 5-й полки Уральскаго войска.

Артиллеріи было 14 орудій, 6 мортиръ и 4 ракетныхъ станка, прислуга къ которымъ назначена изъ оренбур. артиллерійскаго гарнизона и оренбургскихъ казачьихъ батарей.

Къ отряду долженъ былъ присоединиться султанъ —правитель западной части орды съ 230 вооруженными киргизами.

---

*) Этотъ полкъ только по названію былъ казачій, но состоялъ на регулярномъ положеніи. Офицеры были изъ регулярной кавалеріи, а нижніе чины комплектовались обыкновеннымъ рекрутскимъ наборомъ.

Отрядъ былъ снабженъ миннымъ инструментомъ съ гальваническимъ приборомъ, при которомъ состояли гвардейскіе саперы.

На случай переправъ чрезъ рѣки при отрядѣ было 6 холщевыхъ понтоновъ, 2 разборныя лодки и 4 уральскихъ будары. При лодкахъ и бударахъ назначены были 64 гурьевскихъ казака, не входившіе въ составъ полковъ.

Отрядъ долженъ былъ имѣть 6-ти мѣсячный запасъ продовольствія и фуража. Сверхъ сухарей, крупы, овса, прессованнаго сѣна, отрядъ былъ снабженъ: спиртомъ, сущеной капустой и огурцами, крутомъ и пр. Для улучшенія пищи было также заготовлено для отряда: телячій бульонъ, баранье и свиное сало, лукъ, чеснокъ, сушеный хрѣнъ, перецъ, уксусъ и медъ для сбитня.

Для помѣщенія людей на ночлегахъ были заготовлены джуламейки съ подстилочными кошмами.

Киргизская степь — тоже море. Собираясь въ походъ по степи, нужно было запасаться всѣмъ на лини. А потому въ отрядѣ въ особыхъ коробахъ везлись кадки, гвозди, ведра, вѣсы, безмѣны, турсуки, ушаты, веревки, арканы, запасный сапожный товаръ, холстъ, овчины, шерсть, уголь, пиленыя дрова, пакля, желѣзныя печи и проч. и проч.

Для подъема тяжестей подъ Оренбургъ было собрано къ осени 1839 г. до 12 тысячъ верблюдовъ, при которыхъ было до тысячи съ лишнимъ киргизъ.

Подъ больныхъ, кромѣ арбъ и саней, приспособлены были и уральскія будары, поставленныя на дроги.

VIII.

Такъ какъ выступленіе отряда съ линіи назначено было въ ноябрѣ мѣсяцѣ, то къ зимнему походу нижніе чины были снабжены теплой одеждой. Ради экономіи солдатамъ не были заготовлены обыкновенные овчинные полушубки, а сдѣланы кителя изъ холста, подбитыя джибагой. *) Отъ стежки на живую нитку, джибага эта въ походѣ осѣла въ полы кителей и только болталась у колѣнъ, мѣшая людямъ идти. Суконные шаровары пѣхотинцевъ были снабжены стеганными джебагой наколенниками. Сверхъ этихъ шароваръ солдаты снабжены были еще широкими холщевыми шароварами, надѣвавшимися поверхъ суконныхъ, чтобы меньше приставало снѣга и шаровары было легче просушивать. Шинели сдѣланы шире,

*) Свалявшаяся шерсть киргизскихъ барановъ.

фуражки снабжены были назатыльниками изъ сукна; заготовлены были широкіе сапоги, кошемныя кенги, теплыя рукавицы, длинныя онучи, въ 4 аршина каждая, суконные нагрудники и наглазники съ волосяными сѣтками и пр.

Нѣкоторыя изъ этихъ вещей были неудачной выдумкой, вродѣ кителей, подбитыхъ джибагой. Такъ суконные нагрудники, надѣвавшіеся прямо на тѣло, служили разсадникомъ паразитовъ, разрождавшихся мирріадами по всему тѣлу и кишѣвшихъ въ одеждѣ солдатъ. Длинными онучами трудно было обертывать ноги на морозѣ голыми руками и трудно было сушить эти онучи, за неимѣніемъ въ достаточномъ количествѣ топлива. Лучше бы было дать солдатамъ валенки. Суконные наглазники, данные для предохраненія глазъ отъ блестящаго свѣта, возбуждали испарину на лбу и вокругъ глазъ и располагали къ простудѣ. Гораздо полезнѣе и лучше предохраняютъ глаза отъ блеска снѣга волосяныя сѣточки, употребляемыя для этого киргизами, или лучше и проще было бы натирать пороховой мякотью вокругъ глазъ, какъ дѣлали наши казаки.

Назначенный въ походъ Уральскій № 4 полкъ полковника Бизянова былъ сформированъ еще въ 1837

году и находился съ того времени на нижней Уральской линіи, а № 5 полкъ—Войск. Старшины Назарова былъ сформированъ вновь.

Казакамъ приказано было имѣть: шинели, полушубки, шаровары, большіе сапоги съ кошемными чулками (валенки), суконныя онучи для обертыванія ногъ и колѣнъ, теплыя шапки, рукавицы и достаточное количество бѣлья. Изъ оружія: пики, ружья и винтовки, пистолеты и сабли; *) въ числѣ сѣдельнаго прибора: треноги, торбы, саквы, коновязи съ приколами, кошемныя попоны, которыя укрывали бы всю лошадь, мѣшки для трехдневнаго запаса сухарей и по двѣ пары переднихъ и одной заднихъ подковъ съ запасными гвоздями. Сверхъ того велѣно было имѣть котлы, безмѣны, гарнцы, косы, топоры, лопаты и желѣзныя ведры.

По свидѣтельству описавшаго хивинскій походъ 1839 года полковника Иванина уральскіе казаки, какъ болѣе опытные и имѣвшіе болѣе способовъ, были одѣты лучше прочихъ войскъ. Большинство казаковъ одѣты были такъ: поверхъ рубашки, была стеганая шерстяная фуфайка, потомъ полушубокъ изъ

*) Шашка, какъ оружіе менѣе производящее шума въ строю, введена у казаковъ только въ 40-хъ годахъ.

молодыхъ мерлушекъ, доходившій ниже колѣнъ; сверхъ обыкновенныхъ подштаниковъ, надѣвались стеганыя шерстяныя, а поверхъ ихъ кожанныя киргизскія шаровары; на ногахъ большіе багренные сапоги съ нѣсколькими парами онучъ; полушубокъ подпоясывался ремнемъ. Сверхъ него надѣвались саксачій тулупъ и даха изъ лошадиныхъ шкуръ, подпоясанная тоже ремнемъ. На головѣ—баранья шапка и башлыкъ на манеръ киргизскаго малахая. Стремена были деревянныя.

IX.

На предполагавшуюся экспедицію въ Хиву въ распоряженіе генерала Перовскаго было ассигновано 1.700,000 руб. и 12 тысячъ червонцевъ.

Генералъ Перовскій былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ тогда людей въ Россіи. Близкій ко Двору, онъ былъ друженъ съ выдающимися литераторами: Пушкинымъ, Жуковскимъ, Карамзинымъ и др. Поступивъ на службу въ 1811 году, 17 лѣтъ отъ роду, Перовскій былъ зачисленъ въ Свиту Его Величества по квартирмейстерской части (нынѣ генеральный штабъ). Въ 1812 году участвовалъ въ Бо-

родинскомъ сраженіи, гдѣ ему оторвало пулею средній палецъ на рукѣ. Вслѣдствіе этого Перовскій носилъ на остаткѣ пальца длинный золотой наперстокъ. При выступленіи французовъ изъ Москвы, въ октябрѣ 1812 года, Перовскій, состоя при генералѣ Винценгероде, вмѣстѣ съ нимъ былъ захваченъ въ плѣнъ. Озлобленный неудачами, Наполеонъ приказалъ обоихъ плѣнниковъ судить полевымъ военнымъ судомъ, придравшись къ тому, что Винценгероде былъ родомъ изъ одного маленькаго нѣмецкаго государства, входившаго тогда въ число владѣній французскаго императора, а Перовскій не могъ доказать свое русское происхожденіе. Оба плѣнника были приговорены къ смерти, но избѣгли ее случайно: Винценгероде былъ отбитъ изъ плѣна казаками, а про Перовскаго, при наступившемъ тогда во французской арміи хаосѣ, совершенно забыли и онъ пѣшкомъ пришелъ во Францію вмѣстѣ съ остатками Великой Арміи. Освободившись изъ плѣна въ 1814 году, Перовскій долгое время состоялъ при Великомъ Князѣ Николаѣ Павловичѣ. При вступленіи Николая Павловича на престолъ, Перовскій, находясь при новомъ императорѣ во время возмущенія части гвардіи 14 декабря 1826 года, былъ контуженъ полѣномъ въ спину, что

впослѣдствіи отразилось на его здоровьи. Во время войны съ турками въ 1828 году, подъ Варной, Перовскій былъ раненъ пулей въ грудь, что вмѣстѣ съ контузіей въ спину, отразилось на страданіи легкихъ. Только сильная натура Перовскаго *) и его атлетическое тѣлосложеніе способствовали къ продолженію жизни. Командиромъ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса и начальникомъ оренбургскаго пограничнаго края Перовскій былъ назначенъ въ 1833 году въ чинѣ генералъ-маіора Свиты Его Величества. При пріѣздѣ въ Оренбургъ ему не было еще 40 лѣтъ. Перовскій былъ очень красивъ собой, взглядъ имѣлъ строгій и суровый, ростомъ былъ выше средняго и имѣлъ изящныя великосвѣтскія манеры. При всѣхъ достоинствахъ, Перовскій былъ очень сластолюбивъ и, подъ вліяніемъ женщинъ, допускалъ къ себѣ близко разныхъ недобропорядочныхъ личностей и иногда подчинялся ихъ вліянію. Такъ, одинъ изъ выскочекъ, пролазъ, низкій по совѣсти, нѣкто Ц—скій, пользовался особымъ довѣріемъ Перовскаго и, въ виду корыстныхъ своихъ видовъ, посовѣтовалъ Поровскому начать походъ осенью. Ц—скому при этомъ выгод-

*) Перовскій былъ такъ силенъ, что безъ труда разгибалъ подкову.

но было заготовлять для похода сѣно и зерновой фуражъ, такъ какъ онъ назначался начальникомъ кавалеріи отряда.

При назначеніи на постъ Оренбургскаго губернатора Перовскій былъ снабженъ широкими полномочіями. Разсказываютъ, что онъ имѣлъ открытыя бланки за собственноручнымъ подписомъ Государя. Такъ по прибытіи въ Оренбургъ бывшій тогда начальникомъ 22 пѣхотной дивизіи, состоявшей изъ линейныхъ баталіоновъ, генералъ-лейтенантъ Жемчужниковъ и бригадный генералъ Сгерлихъ, не захотѣли явиться Перовскому, считая себя старшими въ чинѣ. Перовскій показалъ обоимъ генераламъ царскій бланкъ и очень напугалъ этихъ старичковъ. Оба генерала были немедленно уволены отъ службы «за нарушеніе правилъ обычной военной подчиненности", какъ сказано было въ присланной къ нимъ бумагѣ. Вскорѣ послѣ этого Перовскій былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и облеченъ званіемъ генералъ-адъютанта Его Величества.

X.

Новаго оренбургскаго губернатора возмущало поведеніе Хивы, этого въ сущности мизернаго азіатскаго

ханства, относительно нашего могущественнаго государства, въ особенности поведеніе киргизъ, которые осмѣливались дѣлать набѣги подъ самый Оренбургъ. Такъ, въ 1824 г. одна дама была взята въ плѣнъ киргизами подъ Оренбургомъ, въ рощѣ, гдѣ теперь архіерейскій домъ. Государь Александръ Павловичъ, бывшій тогда въ Оренбургѣ, приказалъ выкупить эту плѣнницу и только за деньги она была освобождена. Одинъ изъ оренбургскихъ купцовъ З—въ, нанимая мужичковъ на свои пашни, тайно продавалъ своихъ рабочихъ, киргизам которые безпрепятственно пригоняли ихъ въ Хиву цѣлыми партіями--мужчинъ и женщинъ *).

Говорятъ, что Императоръ Николай Павловичъ, подъ вліяніемъ многихъ высокопоставленныхъ лицъ, медлилъ приведеніемъ въ исполненіе задуманнаго похода въ Хиву. Въ особенности противъ похода ратовалъ бывшій тогда военный министръ генералъ адъютантъ Чернышовъ. Но Перовскій настоялъ на необ-

*) Впослѣдствіи купецъ З—въ за это былъ преданъ суду, по рѣшенію котораго былъ сосланъ на каторгу. Но чего не сдѣлаютъ деньги! Слѣдуя на каторгу въ Сибирь, З—въ помѣнялся фамиліей съ однимъ поселенцемъ, возвратился въ Оренбургъ и по благорасположенію оренбургскихъ властей жилъ спокойно въ Оренбургѣ подъ чужой фамиліей. Но избѣгнувъ суда людскаго, З—въ не избѣгъ кары Божіей: онъ былъ заживо съѣденъ червями.

ходимости похода и лично на одномъ придворномъ балѣ доказалъ Государю, что идти на Хиву непремѣнно нужно, при чемъ взялъ на себя всю отвѣтственность въ случаѣ неудачи.

XI

Для выбора мѣста подъ укрѣпленіе на половину пути въ Хиву и склада тамъ продовольственныхъ запасовъ, направленъ былъ изъ Оренбурга въ маѣ 1839 года отрядъ подъ начальствомъ полковника Геке *). Отрядъ этотъ состоялъ изъ 2 ротъ пѣхоты, 2-хъ сотенъ башкиръ и 4 орудій.

Башкиро-мещерякское войско, состоявшее тогда изъ 28 кантоновъ **), обязано было выставить для сво-

*) Карлъ Карловичъ Геке былъ впослѣдствіи, съ 1845 по 1855 годъ, наказнымъ атаманомъ Уральскаго войска. Въ 1857 г. генералъ-лейтенантъ Геке замѣненъ былъ полковникомъ Столыпинымъ.

**) Названіе швейцарское. Башкиры и Мещеряки жили въ губерніяхъ Уфимской, Оренбургской, Пермской и отчасти въ Вятской. Прекрасная мѣстность, напоминающая въ нѣкоторомъ родѣ Швейцарію, дала мысль одному изъ администраторовъ Оренбургскаго края, башкирскіе округа наименовать кантонами. Такіе же причуды были причиною, что въ Оренб. каз. войскѣ нѣкоторые поселки названы: Парижъ, Лондонъ, Ферь-Шампенаузъ и пр. Поселки эти, кажется, есть и теперь. По крайней мѣрѣ, служа въ Туркестанѣ, я видалъ оренбургскихъ казаковъ, родомъ изъ Парижа и другихъ заграничныхъ городовъ.

за разныхъ тяжестей въ проэктируемое укрѣпленіе 7550 троечныхъ телѣгъ съ такимъ же числомъ возчиковъ. Первый транспортъ башкирскихъ телѣгъ (1200 телѣгъ) былъ двинутъ съ отрядомъ полковника Геке; остальные должды были двигаться по мѣрѣ заготовленія припасовъ впослѣдствіи.

Геке облюбовалъ мѣстность у уроч. Чушка-куль у родника Акъ-сулакъ, гдѣ и было заложено имъ укрѣпленіе, которое получило названіе *Акъ-Булакское укрѣпленіе*. Командированный въ степь оберъ-квартирмейстеръ Оренб. корпуса полковникъ Жемчужниковъ нашелъ укрѣпленіе построеннымъ не на выгодномъ мѣстѣ, а основалъ другое при впаденіи р. Алты-Джаксы въ Эмбу. Это второе укрѣпленіе названо *Эмбенскимъ* и въ немъ рѣшено было имѣть главный складочный пунктъ. Въ обоихъ укрѣпленіяхъ оставлены были гарнизоны.

XII.

До самаго почти выступленія войскъ изъ Оренбурга, походъ на Хиву считался тайной. Оффиціально было только обнародовано, что собирается отрядъ для прикрытія ученой экспедиціи, снаряжаемой къ Араль-

скому морю. Въ этихъ видахъ авангардъ отряда, выступившій 21 октября изъ Оренбурга, названъ *караваномъ*. Авангардъ этотъ состоялъ изъ 2 ротъ пѣхоты, сотни казаковъ и 4-хъ горныхъ единороговъ *) и былъ подъ начальствомъ полковника Данилевскаго. При авангардѣ этомъ, или караванѣ, было двинуто 1100 верблюдовъ съ разными тяжестями.

Всѣ назначенныя въ походъ войска были въ октябрѣ мѣсяцѣ стянуты въ Оренбургъ. Изъ Уральскихъ полковъ туда двинута была только одна сотня. Уральскіе же полки 4 и 5 и 64 гурьевскихъ казака были сосредоточены въ Калмыковской крѣпости, откуда прямо степью должны ли слѣдовать къ Эмбенскому укрѣпленію одновременно съ главнымъ отрядомъ.

12 ноября, назначенныя въ походъ войска, были выстроены въ Оренбургѣ на городской площади, гдѣ и была объявлена декларація генерала Перовскаго о походѣ и прочитанъ приказъ по отдѣльному оренбургскому корпусу за № 181. Послѣ многократныхъ возгласовъ „ура“, отслуженъ былъ молебенъ, войска прошли церемоніальнымъ маршемъ и были разведены по казармамъ.

Въ объявленной декларацiи генералъ-адъютантъ

*) Такъ при артиллеріи прежде назывались укороченныя орудія.

Перовскій изложилъ всѣ дерзкіе и наглые поступки хивинцевъ съ Россіей и высказалъ, что для освобожденія нашихъ плѣнныхъ и обезпеченія правъ Россійскихъ подданныхъ на будущее время не остается другаго средства, какъ предпринять походъ въ Хиву.

Приказъ генерала Перовскаго по корпусу былъ слѣдующій:

„По Высочайшему Государя Императора повелѣнію, „я иду съ частію ввѣренныхъ мнѣ войскъ на Хиву.

„Давно уже Хива искушала долготерпѣніе сильной „и великодушной державы и заслужила, наконецъ, „вѣроломными, непріязненными поступками своими „грозу, которую сама на себя накликала. Честь и „слава всѣмъ, кому Богъ приведетъ идти по повелѣ„нію Государя на выручку братьевъ, томящихся въ „неволѣ.

„Товарищи! насъ ожидаютъ стужа и бураны и всѣ „неизбѣжныя трудности дальняго, степнаго и зимняго „похода; но забота обо всемъ необходимомъ, по воз„можности, предупредила крайности и недостатки, а „рвеніе ваше, усердіе и мужество довершатъ успѣхъ „и побѣду. Войска Оренбургскаго корпуса первый „разъ выступаютъ въ значительномъ составѣ противъ „непріятеля. Россія въ первый разъ караетъ Хиву,

„эту дерзкую и вѣроломную сосѣдку. Чрезъ два мѣ-
„сяца, дастъ Богъ, будемъ въ Хивѣ и въ первый
„разъ еще въ столицѣ ханства, подъ Крестомъ и
„Евангеліемъ, русскіе будутъ приносить теплыя и
„громкія молитвы за Царя и Отечество.

„Обращаясь къ той части войскъ, которая остает-
„ся для охраненія Оренбургскаго пограничнаго края
„родины своей. Вамъ не судило счастіе дѣлить съ
„нами труды и опасности; но вы, не менѣе того, за-
„служите добрую славу и милостивое вниманіе Госу-
„даря Императора: всякій чинъ, малый и великій,
„простившись съ ушедшими въ походъ товарищами,
„будетъ свято помнить долгъ и присягу бу-
„детъ нести службу за себя и за походныхъ и въ
„свое время радостнымъ братскимъ привѣтствіемъ встрѣ-
„титъ возвратившихся изъ дальняго и труднаго
„странствія сослуживцевъ своихъ“.

XIII.

Выступающія войска были распредѣлены на четыре колонны.

1-я колонна подъ командой начальника 22 пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанта Толмачева, состояла изъ 2 ротъ пѣхоты, сотни оренбургскихъ ка-

заковъ и 2 орудій при 1800 верблюдахъ съ 360 киргизами,

2-я колонна, подъ начальствомъ командовавшаго оренб. конно-артиллерійской казачьей бригадой полковника Кузьминскаго, изъ 2 ротъ, 50 башкиръ, 50 оренб казаковъ, 2 орудій при 2000 верблюдахъ съ 400 киргизами.

3-я колонна главная: баталіонъ пѣхоты, дивизіонъ оренб. коннаго полка, сотня уральскихъ казаковъ, 2 орудія, 7 мортиръ; команды: ракетная, мортирная, парковая, понтонная, лодочная, отрядный штабъ, походная церковь и подвижной госпиталь. Колонный начальникъ былъ полковникъ Мансуровъ. Въ колоннѣ было 3600 верблюдовъ съ 700 киргизами. При колоннѣ слѣдовалъ и главноначальствовавшій — генералъ Перовскій, подъ собственныя вещи и запасы котораго было завьючено 160 верблюдовъ.

4-я колонна подъ начальствомъ командовавшаго башкиро-мещерякскимъ войскомъ, генералъ-маіора Ціольковскаго имѣла 2 роты, 1 сотню башкиръ, 2 орудія, 1800 верблюдовъ при 360 киргизахъ.

Выступленіе колоннъ изъ Оренбурга началось 14 ноября. Въ этотъ день выступила 1 я колонна, 15

ноября — 2-я колонна, а 16 и 17 ноября — 3 и 4 колонны.

Первыя двѣ колонны были двинуты по Бердяно-Куралинской линіи, а 3 и 4 колонны — прямо на Илецкую Защиту. 21 ноября всѣ четыре колонны соединились у Караваннаго озера, находящагося въ 17 верстахъ отъ пограничнаго Григорьевскаго форпоста. Здѣсь 22 ноября, предъ выступленіемъ за границу, отданъ былъ генераломъ Перовскимъ приказъ, что Государь Императоръ удостоилъ облечь его — Перовскаго — всѣми правами и властію командира отдѣльнаго корпуса въ военное время. Права эти по закону равняются правамъ главнокомандующаго арміей.

XIV.

4 и 5-й Уральскіе полки, подъ начальствомъ полковника Бизянова, выступили изъ Калмыковской крѣпости за Уралъ — 16 ноября. При колоннѣ Бизянова было 1800 верблюдовъ, которые были пожертвованы ханомъ Внутренней Букеевской орды — Джангеромъ.

Зима 1839—40 г. была очень жестокая и стала рано. Въ день выступленія уральскихъ полковъ былъ довольно сильный морозъ. Полки провожала масса народу, съѣхавшагося со всего войска на проводы своихъ родныхъ и кровныхъ. Проводы были очень печальныя. Всѣ знали прежнія неудачи походовъ въ

Хиву и предсказанія уральскихъ начетчиковъ о неуспѣхѣ и этого похода. «Батюшки, голубчики, идете не въ воротиму», голосили, воя, женщины. При всеобщемъ плачѣ и воѣ, выли и собаки и неистово ревѣли верблюды, навьюченные на первый разъ очень грузно. „Утѣшало одно,—разсказывалъ мнѣ одинъ участникъ похода,—что вѣтеръ былъ противный“, а это, по старымъ преданіямъ, предсказывало благополучное возвращеніе.

XV.

Съ Караваннаго озера отрядъ слѣдовалъ колоннами въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи: на ночлегахъ колонны располагались верстахъ въ 3-хъ—4 одна отъ другой. Впереди шла колонна генерала Ціольковскаго, за нею--колонна полковника Кузьминскаго, затѣмъ колонна генерала Толмачева, за которой уже слѣдовала главная колонна—полк. Мансурова, замѣненнаго вскорѣ генераломъ Молоствовымъ. Колонны шли широкимъ фронтомъ; верблюды тянулись въ 20 и болѣе нитокъ или рядовъ, съ большими между собою промежутками. Авангардъ изъ казаковъ разсчищалъ дорогу, устраивалъ спуски и всходы на встрѣчавшихся оврагахъ, которыхъ было много, когда слѣдовали долиною р. Илека. Казаки же слѣдовали въ боковыхъ патруляхъ, высылавшихся довольно далеко

въ стороны и вели нитки или ряды верблюдовъ, наблюдая указанныя интервалы между этими рядами. Аріергардъ состоялъ тоже изъ казаковъ. Небольшая часть пѣхоты шла съ рядами верблюдовъ, поправляя вьюки и навьючивая свалившіеся тюки. Остальная пѣхота шла взводами по бокамъ колонны. Вообще же по виду отрядъ дѣйствительно болѣе походилъ на караванъ. Вооруженныя части отряда были незамѣтны между верблюдами, которыхъ было болѣе чѣмъ вдвое противъ людей. На ночлегахъ каждая колонна составляла каре, причемъ вьюки съ громоздскими предметами помѣщались по краямъ, чтобы служить нѣкоторымъ подобіемъ бруствера, въ случаѣ нападенія. Орудія на ночлегахъ ставились на двухъ діогонально противоположныхъ углахъ каре, причемъ для нихъ дѣлались изъ тюковъ закругленные бастіоны, чтобы при случаѣ можно было обстрѣливать фасы каре.

Погода по выступленіи изъ Оренбурга сначала была довольно хорошая, но уже при самомъ вступленіи въ степь круто измѣнилась. 21 ноября выпалъ снѣгъ, а на другой день былъ сильный буранъ при 29° мороза. При послѣдующемъ движеніи вверхъ по долинѣ р. Илека морозы были отъ 11 до 25 градусовъ. Снѣгъ былъ тутъ не особенно глубокъ. Переходы были отъ

15 до 30 верстъ. На пути попадались киргизскія зимовки, гдѣ можно было купить сѣна и достать дровъ. Вообще отрядъ не встрѣчалъ еще ни въ чемъ недостатка. Верблюдовъ кормили тоже сѣномъ, а иногда выгоняли и на тебеневку. Казачьи лошади тоже пользовались подножнымъ кормомъ и были въ хорошихъ тѣлахъ. Но крупныя заводскія лошади конно-регулярнаго Оренб. дивизіона сильно спали съ тѣла, вслѣдствіе неумѣнья розыскивать подъ снѣгомъ для себя кормъ; а установленной дачи овса и сѣна было для нихъ мало. Что касается до состоянія верблюдовъ, то между ними уже тогда много встрѣчалось съ сбитыми горбами и боками, вслѣдствіе не умѣнья солдатъ вьючить верблюдовъ. Верблюды были наняты безъ хозяевъ; приставленные же къ нимъ киргизы мало о нихъ заботились. Много встрѣчалось верблюдовъ съ порванными носами, вслѣдствіе того, что солдаты привязывали веревочный поводъ идущаго верблюда къ сѣдлу впереди слѣдующаго узломъ. Киргизы въ этомъ случаѣ задѣваютъ веревку слабой петлей, почему, въ случаѣ паденія, веревка упавшаго верблюда сама собою отвязывается отъ сѣдла передняго верблюда; тутъ же при завязкѣ крѣпкимъ узломъ страдали ноздри верблюда.

27 ноября былъ сильный буранъ при 26° мороза, а въ ночь морозъ еще болѣе усилился. Привыкшія къ теплымъ конюшнямъ лошади конно-регулярнаго дивизіона, сильно прозябнувъ, сорвались съ коновязей и разбѣглись по степи, по инстинкту чувствуя потребгость бѣжать. На другой день наши казаки были нослаы розыскивать этихъ лошадей. Часть ихъ была пайдена приставшими къ другимъ колоннамъ и кирнизскимъ зимовкамъ; большая же часть лошадей безслѣдно пропала въ степи, вѣроятно, съѣденная волками, которыхъ въ ту зиму было много и на линіи. Въ эту ночь (съ 27 на 28 ноября) всѣ почти часовые въ отрядѣ обморозили себѣ носы, а нѣкоторые руки и ноги, такъ что было сдѣлано нѣсколько ампутацій съ печальнымъ исходомъ.

Съ первыхъ чиселъ декабря вновь начались бураны; всю степь занесло снѣгомъ, глубиной болѣе аршина; поверхность снѣга отъ сильныхъ морозовъ обледенилась. Морозы были до 30 градусовъ, а по утрамъ доходили и до 40. Пѣхотные солдаты, не привыкшіе къ ходьбѣ по глубокому снѣгу, да еще съ ружьями, ранцами и патронташами, изнемогали, садились иногда на верблюдовъ въ сильной испаринѣ, простужались, а нѣкоторые, сидя на верблюдѣ, прикурнувъ, отмораживали себѣ конечности. При плохой одеждѣ и недостаточной пищѣ, тяжести степнаго похода еще могла бы вынести наша армейская пѣхота, въ особенности кавказская, но ужъ никакъ не пѣхота Оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ. Линейные

баталіоны эти, квартируя въ однѣхъ и тѣхъ же богоспасаемыхъ крѣпостяхъ, совершенно не несли никакой службы. Практическихъ походовъ или маневровъ никакихъ никогда не было. Люди, живя по десятку лѣтъ на одномъ мѣстѣ, совершенно отвыкали отъ военныхъ невзгодъ, женились, заводили свои дома и многіе занимались коммерціей, имѣя лавочки, конечно, на имя своихъ женъ, или вели мѣновую торговлю съ киргизами. Изнѣженные отъ привольной жизни,—могли-ли такіе люди вынести наступившія трудности похода! Многіе военные авторитеты ставили въ упрекъ Перовскому, что онъ не выпросилъ у Государя два или три баталіона закаленныхъ кавказскихъ войскъ.

XVI.

Находясь подъ вліяніемъ Ціольковскаго, генералъ Перовскій не имѣлъ въ отрядѣ ни начальника штаба, ни провіантмейстера, ни вагенмейстера. Назначеніе такихъ лицъ было невыгодно Ціольковскому, желавшему все имѣть въ своихъ рукахъ. Между прочимъ, при отсутствіи въ отрядѣ вышеупомянутыхъ лицъ, выходила порядочная путаница. Роль начальника штаба игралъ нѣкто штабсъ-капитанъ Никифоровъ, переведенный по какой то исторіи изъ гвардіи тѣмъ же чиномъ въ одинъ изъ оренб. линейныхъ баталіоновъ.

По представленію Перовскаго, Никифоровъ былъ сначала причисленъ, а потомъ и переведенъ въ ге-

неральный штабъ, не бывши въ военной академіи. Обладая непомѣрнымъ самолюбіемъ, Никифоровъ распоряжался самостоятельно по отряду, прикрываясь именемъ Перовскаго и нерѣдко третировалъ начальниковъ колоннъ, кромѣ, разумѣется, Ціольковскаго. Перовскій въ отрядѣ держалъ себя недоступно. Къ нему въ кибитку не могъ входить ни кто, кромѣ Ціольковскаго и Никифорова. Впослѣдствіи между обоими этими честолюбцами вышелъ разладъ, причемъ верхъ взялъ Никифоровъ, который, отличаясь отъ Ціольковскаго своимъ безкорыстіемъ, не могъ, конечно, одобрять всѣ распоряженія Ціольковскаго. Назначенный уже въ походѣ дежурнымъ штабъ-офицеромъ полковникъ Дебу былъ человѣкъ малоподвижный и лѣнивъ, вовсе не соотвѣтствовалъ возложенной на него должности. За отсутствіемъ провіантмейстера и вагенмейстера, всѣ припасы и верблюды перепутались между частями. По инструкціи всѣ верблюды и запасы находились въ вѣдѣніи колонныхъ начальниковъ, которымъ это было совершенно не подъ силу, притомъ они, за исключеніемъ Ц—скаго, и не участвовали въ заготовленіи припасовъ и въ пріемѣ отъ киргизъ верблюдовъ. Вздумали было надѣть на верблюдовъ особенныя таблички съ обозначеніемъ тюка, который онъ везетъ, и какой части или лица. Но таблички эти посрывали, и верблюдовъ хватали, какихъ попало. Въ особенности много кутерьмы дѣлала огромная свита Перовскаго, которая, ничего не дѣлая, только занималась интригами и сплетнями. Испорченныхъ своихъ верблюдовъ штабные отдавали въ части,

а себѣ выбирали свѣжихъ и здоровыхъ. Припасы расхищались самымъ наглымъ образомъ. Достаточно было изнуренному верблюду немного отстать отъ нитки или своего ряда, какъ киргизы немедленно его прирѣзывали, чтобы воспользоваться мясомъ, а продукты и кули живо убирались въ торока казаковъ. Въ особенности въ этомъ случаѣ доставалось всего много арiергарду. Наши казаки пользовались овсомъ и на ночлегахъ. Ночью, въ особенности въ буранъ, какой-нибудь ловкiй казачекъ подползалъ незамѣтно для часоваго къ бунту овса, всаживалъ въ куль согнутый крючкомъ приколъ и съ веревкой отъ него отползалъ въ свою кибитку. Товарищи тащили изъ кибитки за веревку и куль такимъ образомъ самъ въѣзжалъ къ нимъ въ самую дверь. Овесъ быстро разбирался по саквамъ, а куль сжигался. Разсказываютъ, что такимъ фокусомъ разъ такъ напугали часоваго—башкира, что онъ сбѣжалъ съ часовъ, принявъ самодвижущiйся куль за шутку шайтана (чорта).

XVII.

Слѣдуя черепашьимъ ходомъ, колонны отряда генерала Перовскаго наконецъ достигли 4 и 5 декабря до урочища *Бишъ-тамакъ*. Въ буквальномъ переводѣ съ киргизскаго языка это урочище значитъ пять горловъ, пять родниковъ, составляющихъ рѣку Илекъ. Мѣстность эта весьма богата к[illegible]момъ для

скота и находится въ 250 (или около того) верстахъ отъ Оренбурга.

Въ виду наступавшаго Высокоторжественнаго дня Тезоименитства Государя Императора Николая Павловича, всѣ колонны были стянуты и была раскинута походная церковь для предстоявшаго богослуженія. Утромъ 6 декабря морозъ былъ до 35 град. Служить обѣдню не было физической возможности. Ограничились однимъ молебномъ, послѣ котораго, по уставу, раздались салютаціонные пушечные выстрѣлы. Людямъ была выдана праздничная порція мяса и спирта *).

7 и 8 декабря колонны пошли далѣе. Путь ихъ въ просмотрѣнномъ мною маршрутѣ обозначенъ разными названіями рѣкъ и *саевъ* (въ переводѣ оврагъ). Я не желаю утомлять перечисленіемъ ихъ читателя. Жившіе въ коренной Россіи подумаютъ, что отрядъ Перовскаго въ самомъ дѣлѣ шолъ вдоль рѣкъ. Искрестивши всю киргизскую степь, могу повѣдать, что слово *рѣка* иногда въ киргизской степи значитъ небольшая лощина, весьма скудная растительностью и имѣющая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лужи воды. Снимавшіе степь наши господа топографы всегда обозначали такія лощины словомъ „рѣка". Нѣкоторые болѣе откровенные ставили въ примѣчаніяхъ, что „рѣ-

*) До какой меркантильности доходилъ генералъ Ціольковскій служитъ фактъ, что въ отрядѣ спиртъ былъ заранѣе разбавленъ водой. Говорятъ, что нѣкоторые бочата со спиртомъ были въ замороженномъ видѣ при усердномъ исполненіи приказаній генерала Ц—скаго.

ка *течетъ* омутами". Вотъ въ переводѣ на общедоступное пониманіе это и обозначаетъ, что лощина, или оврагъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣетъ лужи воды.

По такимъ то *сухимъ* рѣкамъ и двигался экспедиціонный отрядъ генерала Перовскаго. Всѣмъ, полагаю, извѣстно, что вскипяченіе воды изъ снѣга требуетъ болѣе топлива, нежели кипяченіе вольной воды *). По этому тутъ пришлось плохо, ибо никакого топлива не было. Идя по долинѣ р. Илека, отрядъ имѣлъ и вольную воду, и топливо въ видѣ чилиги и другихъ древесныхъ растеній; а при дальнѣйшемъ слѣдованіи къ Эмбѣ представлялась одна голая равнина, покрытая снѣгомъ въ $1^1/_2$ аршина глубины.

XVIII.

Отрядъ изнемогалъ. Верблюды голодали, ибо тебеневки прекратились. Обледенѣвшая поверхность снѣга рѣзала ихъ ноги. На каждомъ переходѣ верблюды гибли по нѣскольку десятковъ. Вздумали было кормить ихъ болтушкой изъ ржаной муки, но киргизы, и сами голодные, воровали отпущенную муку и пекли изъ нея свои колюбашки. Сухари для людей были заготовлены ген. Ціольковскимъ самымъ примитивнымъ способомъ, ибо сушились на солнцѣ лѣкомъ

*) Я уже пояснялъ прежде, что значитъ у насъ, степняковъ, вольная вода.

1839 г. въ башкирскихъ его кантонахъ. Много сухарей было клеклыхъ. Мука была недоброкачественная. Хрѣнъ, лукъ, чеснокъ и прочія приправы были изъ залежалыхъ продуктовъ, продавцы которыхъ очень обрадовались выручившему ихъ покупателю, генералу Ц - скому, и снабжали отрядъ всякой дрянью. Разсказываютъ, что даже перецъ былъ поддѣльный—раструсокъ какого-то растенія въ Башкиріи; въ измельченномъ видѣ раструсокъ этотъ имѣлъ нѣкоторое подобіе перца. Находившійся при отрядѣ маркитантомъ безсовѣстный купецъ Зайчиковъ снабжалъ войска мясомъ, кажется, всѣхъ животныхъ. Этотъ Зайчиковъ былъ креа урой Ціольковскаго, по представленію котораго разрѣшено было генераломъ Перовскимъ всѣмъ офицерамъ отряда выдавать изъ лавки ловкаго маркитанта заготовленные имъ продукты въ кредитъ подъ гарантіей коммиссиріата *). Цѣны разныхъ товаровъ

*) Поясню нѣкоторые военные термины. Вагенмейстеръ—начальникъ обоза. провіантмейстеръ—завѣдующій продовольствіемъ. Коммиссиріатъ въ то время снабжалъ войска деньгами и вещами. Въ 1860 годахъ провіантское и коммиссиріатское вѣдомства соединены вмѣстѣ подъ названіемъ интендантство. При войскахъ еще назначаются гевальдигеры—это военные полиціймейстеры. Квартирмейстеры были въ прошлое время изъ офицеровъ генеральнаго штаба, по одному на каждую дивизію,—нынѣшніе старшіе адъютанты генеральнаго штаба въ дивизіяхъ. При корпусѣ состоялъ оберъ-квартирмейстеръ, при арміи—генералъ-квартирмейстеръ. Въ настоящее время должность эта возстановлена въ нѣкоторыхъ большихъ по численности войскъ военныхъ округахъ. Дежурный генералъ, или штабъ-офицеръ—была должность,

Зайчикова были безбожныя, напр.: фунтъ кренделей —50 к., четверка табаку—1 р., бутылка водки—1 р. 50 к. и проч. За неимѣніемъ топлива отрядъ былъ близокъ къ гибели. Генералъ Перовскій приказалъ выдать для топлива лодки, дроги, на которыхъ везлись эти лодки, факелы, канаты, запасные кули, разные ящики; однимъ словомъ все, что могло горѣть и было не особенно необходимо. Всего этого матеріала достало на три-четыре дня, и затѣмъ опять топлива не стало. Тогда генералъ Перовскій объявилъ, что больше жечь нечего и войска сами должны добывать топливо. Началось раскапываніе снѣга и сборъ разныхъ кореньевъ травы, могущей поддерживать какую-нибудь теплоту въ кибиткахъ. Варить же горячую пищу въ громадныхъ котлахъ не было возможности и отрядъ былъ на сухояденіи.

XIX.

Положеніе отряда генерала Перовскаго становилось критическимъ. Вслѣдствіе неизвѣданныхъ воинскихъ трудовъ, вся свита генерала Перовскаго желала какъ можно скорѣе возвратиться по добру по здорову въ Оренбургъ и оттуда разъѣхаться къ своимъ батюшкамъ и матушкамъ, откуда имѣли рекомендательныя

соотвѣтствующая нынѣшней должности помощника начальника штаба округа. Должность дежурнаго генерала тоже недавно возстановлена въ Варшав., Виленскомъ и Кіевскомъ военныхъ округахъ.

письма. Находясь всего ближе къ генералу Перовскому, эта свита первая начала говорить, что походъ *трудный, безчеловѣчный* и пр., и пр.

Свита эта отъ бездѣлья ходила по кибиткамъ строевыхъ офицеровъ. Конечно, узнавать новости были рады многіе изъ строевыхъ офицеровъ экспедиціоннаго отряда. Тѣмъ болѣе было интересно слушать новости, почерпнутыя отъ свиты генер. Перовскаго изъ разныхъ пакетовъ, писемъ и пр., присылавшихся изъ Оренбурга въ недѣлю два раза, а иногда и чаще. Разговоры эти изъ кибитокъ слушали деньщики, вѣстовые и слѣдовательно всѣ прочіе нижніе чины. Всѣ эти новости, разглашаемыя по кибиткамъ, служили вообще не къ чести гг. *туристовъ*, которые подъ названіемъ спеціалистовъ по разнымъ отдѣламъ научныхъ знаній были въ свитѣ корпуснаго командира, и своими разглагольствованіями, каждый по своей спеціальности, мѣшали, стѣсняли, порицали потомъ тайкомъ по кибиткамъ всѣ *военныя* распоряженія генерала Перовскаго. Между прочимъ въ свитѣ генерала Перовскаго были нѣкоторыя личности, которыхъ знаетъ всякій знакомый съ русской литературой, какъ напр. Даль, Хомяковъ и нѣкоторые другіе, къ несчастію не оставившіе никакихъ историческихъ воспоминаній о походѣ 1839 г. въ Хиву кромѣ частныхъ писемъ.

XX.

Между тѣмъ колонны отряда генерала Перовскаго шли *впередъ*, зарывая въ снѣгъ и въ рѣдкихъ случаяхъ въ землю погибшихъ воиновъ.

Главныя болѣзни были скорбутъ или цинга, дезинтерія или кровавый поносъ и потомъ горячки разныхъ видовъ, лихорадки и пр., и пр. Причина же болѣзней кромѣ простуды было главнымъ образомъ *изнуреніе*, при плохой пищѣ.

Люди были поднимаемы въ 2—3 часа ночи, чтобы вьючить верблюдовъ, разбирать кибитки и раскапывать снѣгъ для добыванія топлива, нужнаго для разныхъ начальствующихъ лицъ, госпиталя и отчасти для себя. Навьюченные верблюды иногда стояли подъ вьюками нѣсколько часовъ до разсвѣта, когда выѣзжалъ авангардъ изъ казаковъ и колонна трогалась. Движеніе было крайне медленное. Подъ вечеръ войска, пройдя 10—15 верстъ, останавливались. Тутъ начинались новыя работы: нужно было расчищать снѣгъ до земли для постановки кибитокъ и для верблюдовъ, искать топливо и занимать караулы. Разставивши свои кибитки, солдаты ложились ногами къ огню, если его добывали. На призывъ «къ сбитню» многіе отказывались и увѣряли, что они уже его пили. Въ самомъ дѣлѣ стоять на 30 градусномъ морозѣ съ металлической кружкой въ рукахъ, ожидая когда нальютъ чуть не холоднаго полусвареннаго какого-то суррогата, было далеко отъ удовольствія.

Иногда, если отрядъ приходилъ на ночлегъ рано, то поспѣвала и кашица. Но это было рѣдко. Сварить пищу въ ротномъ котлѣ было очень трудно, по неимѣнію въ достаточномъ количествѣ топлива. Наши казаки довольствовались изъ десяточныхъ котелковъ и потому ѣли горячую пищу ежедневно *).

Люди, поступавшіе въ госпиталь, почти всѣ умирали. Благодаря устройству длинныхъ, сквозныхъ закрытій, даже люди съ натертыми ногами, простуживались въ этихъ санитарныхъ экипажахъ и гибли наравнѣ съ прочими.

XXI

Въ особенности трудна и обременительна была въ походѣ караульная служба. Казаки содержали пикеты въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ колоннъ. На каждомъ пикетѣ было 5—6 человѣкъ. Одинъ казакъ былъ часовой, другой подчасокъ; прочіе могли ѣздить въ лагерь поѣсть горячаго, за фуражомъ и пр. Часовые смѣнялись по звѣздамъ *). По своему удобству, этотъ

---

*) Этотъ порядокъ довольствія, принятый нашими казаками, очень практиченъ. Въ 1869 г., командуя сотней въ походѣ къ границамъ Хивы, я, по требованію отряднаго врача, приказалъ было варить пищу въ сотенномъ котлѣ и былъ свидѣтелемъ, какъ мои казаки разбили котелъ, сваливши все это на упавшаго яко-бы верблюда, и продолжали варить пищу въ десяточныхъ котелкахъ.

*(Такой порядокъ смѣны былъ соблюдаемъ во все время и моей строевой службы въ разныхъ походахъ. Казаки всегда смѣнялись по движенію Большой Медвѣдицы, которую наши уральцы называютъ лось.

порядокъ содержанія сторожевой цѣпи, принятъ теперь и въ регулярныхъ войскахъ, взамѣнъ прежнихъ *ведетовъ* и парныхъ часовыхъ. Пѣхотные часовые стояли на фасахъ лагернаго каре, у провіантскихъ бунтовъ, у разныхъ складовъ казеннаго имущества и у кибитокъ высшихъ начальствующихъ лицъ. Въ виду сильныхъ морозовъ, генералъ Перовскій приказалъ производить смѣну часовыхъ черезъ часъ. Но кибитки, гдѣ помѣщались караульные, были иногда очень далеко отъ своихъ часовыхъ и у начальниковъ карауловъ въ большей части не было часовъ. Если часовой нуждался хотя во временной смѣнѣ, ему не было возможности позвать на смѣну товарища. Въ одну изъ морозныхъ ночей у тюковъ съ провіантомъ въ колоннѣ генерала Цюльковскаго стоялъ на часахъ молодой солдатъ Петръ Позднѣевъ, уроженецъ Владимірской губерніи. Былъ сильный буранъ. Позднѣевъ стоялъ на посту часъ, другой—смѣны все не было. Сильно прозябнувъ, весь занесенный снѣгомъ, Позднѣевъ, по чувству самохраненія, чтобы хотя немного согрѣть окоченѣвшія отъ ружья руки, присѣлъ на корточки между кулями, приставилъ къ тюкамъ свое ружье и засунулъ за пазуху шинеля свои озябшія руки. Въ такомъ положеніи онъ немного прикурнулъ.

Въ это время проходилъ для повѣрки часовыхъ патруль. Патрульный унтеръ-офицеръ изъ поляковъ взялъ ружье Позднѣева и ушолъ для доклада караульному офицеру. Спустя нѣсколько минутъ Позднѣевъ проснулся. Первымъ дѣломъ онъ хватился ружья

и пришолъ въ ужасъ, что оно пропало. Въ сильномъ отчаяніи несчастный подкрадывается къ ружейнымъ козламъ, беретъ первое попавшесся ружье и становится на свой постъ. Приходитъ смѣна. Видя у часоваго ружье, полякъ-унтеръ спросилъ:

— Чье у тебя ружье?

— Мое, сударь, отвѣчалъ Позднѣевъ.

По докладу патрульнаго унтеръ-офицера сейчасъ же произведено было разслѣдованіе и оказалось, что ружье по №-ру не принадлежало Позднѣеву. Видя, что дѣло плохо, Позднѣевъ во всемъ повинился. Объ этомъ происшествіи было немедленно донесено Перовскому. Просмотрѣвъ произведенное по этому случаю слѣдствіе, генералъ Перовскій, видя смягчающія вину обвиняемаго обстоятельства, хотѣлъ было наказать Позднѣева по домашнему, дисциплинарно, безъ преданія суду. Но противъ этого сильно возсталъ Ц—скій, видѣвшій въ данномъ случаѣ 4 преступленія: сонъ на посту, утрату ружья, самовольную отлучку съ часовъ и кражу оружія. Ціольковскій энергично настаивалъ на преданіи Позднѣева полевому суду, ссылаясь на то, что если Позднѣевъ не будетъ разстрѣлянъ, то онъ—Ц—скій—не отвѣчаетъ за сохраненіе дисциплины въ своей колоннѣ. Скрѣпя сердце, Перовскій вынужденъ былъ уступить и отдалъ приказъ о преданіи Позднѣева суду по законамъ военнаго времени. Несчастный солдатъ былъ разстрѣлянъ при 30 градусномъ морозѣ, въ бѣлой непроглядной вьюгѣ, въ присутствіи всей 1-й колонны генерала

Ц—скаго и особо наряженныхъ для этого командъ отъ прочихъ колоннъ.

XXII.

Казнь эта породила сильный говоръ въ отрядѣ. Всѣ и безъ того уже ненавидѣли Ц—скаго за его жестокость и безчеловѣчіе. Полковникъ бывшей польской арміи, сильно скомпрометированный по мятежу 1831 г., Ц—скій былъ сосланъ въ Оренбургъ вскорѣ послѣ усмиренія Польши. Говорятъ, что покойный Государь Императоръ Николай Павловичъ, узнавшій, что Ц—скій близокъ къ Перовскому, предупреждалъ послѣдняго, чтобы онъ подальше отъ себя держалъ «ссыльнаго поляка». Тѣмъ не менѣе Ц—скій ловко умѣлъ вкрасться въ довѣріе Перовскаго, и, какъ я уже упоминалъ, былъ у Перовскаго первымъ совѣтникомъ. Одинъ изъ участниковъ похода называетъ Ц—скаго въ своихъвоспоминаніяхъ „злымъ геніемъ отряда". Онъ всѣми фибрами своей души ненавидѣлъ все русское. Въ походѣ колонна его терпѣла всѣхъ больше. Заболѣванія и смертность нижчиновъ въ его колоннѣ были большія, нежели во всѣхъ прочихъ трехъ колоннахъ, вмѣстѣ взятыхъ. У него же у перваго начался усиленный падежъ верблюдовъ, что вызвало, конечно, уже малоправдоподобный говоръ, что Ц—скій съ помощью своего деньщика Сувчинскаго (тоже поляка) отравливаетъ нарочно верблюдовъ, разбрасывая ночью около нихъ отравлен-

ныя хлѣбныя пилюли. Тѣлесныя наказанія въ колоннѣ Ціольковскаго были безчеловѣчныя. Солдатъ онъ называлъ не иначе, какъ *быдло* (скотина). Въ особенности Ц—скій ненавидѣлъ тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые были при штурмѣ Варшавы и имѣли извѣстный серебряный крестъ за военныя достоинства. Такіе солдаты были переведены изъ арміи въ отд. Оренб. корпусъ незадолго до Хивинскаго похода, какъ примѣрные, храбрые и заслуженные воины въ видахъ поднятія воинскаго духа въ линейныхъ баталіонахъ. Одинъ изъ такихъ примѣрныхъ служакъ—Степанъ Есыревъ служилъ фельдфебелемъ въ 6 Ор. лин. баталіонѣ, въ колоннѣ Ц—скаго. Однажды, въ половинѣ декабря, когда отрядъ былъ уже подъ Эмбою, Ц—скій въ 6 ч. утра, когда колонна его снималась, встрѣтилъ не сломанную еще джуламейку. Въ джуламейкѣ этой жилъ Есыревъ съ нѣсколькими солдатами своей роты. Всѣ они были на вьючкѣ верблюдовъ.

— Какого быдла эта джуламейка? спросилъ Ц—скій и узнавъ, что Есырева, приказалъ позвать его къ себѣ.

— Какъ ты смѣлъ не убрать во время свою джуламейку? закричалъ Ц—скій.

Фельдфебель Есыревъ заявилъ, что онъ съ 2 часовъ ночи занимался вьючкой верблюдовъ, что въ эту ночь пало 6 верблюдовъ и что нужно было разложить ихъ вьюки на другихъ верблюдовъ.

— Ты еще началъ разсуждать! Нагаекъ! заревѣлъ Ц—скій.

Немедленно явились башкиры съ громадными нагайками и началось возмутительное истязаніе несчастнаго фельдфебеля. Его живо раздѣли, схватили за руки и за ноги и начали безпощадно жарить нагайками. Ц—скій закурилъ сигару и прохаживался, чтобы не озябнуть близь мѣста экзекуціи. Сначала Есыревъ вопилъ, прося пощады; шинель, бывшая подъ нимъ, и бѣлье пропитались кровью, палачи-башкиры уставали бить и смѣнялись, отъ тѣла Есырева начали отлетать цѣлые куски мяса; Есыревъ замолкъ; но свистъ нагаекъ все еще продолжался. Наконецъ у Есырева началась предсмертная икота; и тогда только Ц—скій прекратилъ истязаніе, приказавъ изувѣченнаго фельдфебеля отнести въ госпиталь. Къ общему удивленію Есыревъ остался живъ, благодаря во первыхъ своему крѣпкому тѣлосложенію и во вторыхъ принятому въ немъ горячему участію гг. врачей, офицеровъ и солдатъ 6 лин. баталіона.

Ц—скій только и занимался истязаніемъ солдатъ. Наши казаки тоже не избѣгли его желѣзной лапы, когда онъ, по званію начальника кавалеріи, иногда осматривалъ казачій бивакъ. Послѣ обѣда вечеромъ Ц—скій каждодневно поролъ своего крѣпостнаго повара. Этотъ поваръ впослѣдствіи, по возвращеніи изъ похода, и убилъ своего барина, когда онъ отдыхалъ отъ трудовъ въ своемъ богатомъ имѣніи, въ Башкиріи. Ненависть къ Ц—скому его собственныхъ кресть-

янъ была такъ велика, что они два раза выбрасывали изъ могилы трупъ Ц—скаго и дѣлали надъ тѣломъ его разныя надруганія.

XXIII.

Наконецъ 19 декабря экспедиціонный отрядъ достигъ до Эмбенскаго укрѣпленія. Находившійся здѣсь гарнизонъ и авангардъ отряда полк. Данилевскаго жили въ землянкахъ, которыя были довольно просторны, освѣщались стеклянными окнами и имѣли русскія печи. Въ землянкахъ было тепло и уютно. Укрѣпленіе было снабжено заготовленнымъ съ осени топливомъ, сѣномъ и провіантомъ. Для пришедшихъ колоннъ были приготовлены хлѣбопекарни и кухни. Имѣлась даже небольшая баня.

Отрядъ могъ вполнѣ отдохнуть. Явился давно уже невиданный свѣжій печеный хлѣбъ; горячая пища была два раза въ сутки, и солдаты обѣдали и ужинали въ теплыхъ помѣщеніяхъ.

Пройдя въ 32 дня 472 версты отъ Оренбурга, отрядъ здѣсь отдыхалъ 2 недѣли.

Вслѣдствіе гибели лошадей Оренбургскаго казачьяго дивизіона, казачьимъ лошадямъ началась выдача по 4 гарнца овса и по 10 фун. сѣна. Сѣно же было отпускаемо и верблюдамъ, которыхъ дошло до Эмбы немного болѣе половины.

XXIV.

Колонна полковника Бизянова изъ 4-го и 5-го Уральскихъ полковъ пришла въ Эмбенское укр. вполнѣ благополучно 9 декабря, т. е. 10-ю днями ранѣе главнаго отряда. Въ колоннѣ этой не было ни умершихъ людей, ни павшихъ верблюдовъ и лошадей.

Удивленный Перовскій спрашивалъ Бизянова: какимъ порядкомъ онъ шолъ, во сколько нитокъ шли верблюды, когда выступали, какъ располагались на ночлегахъ и проч. Бизяновъ объяснилъ, что онъ первое время по выступленіи изъ Калмыковской крѣпости шолъ небольшими переходами въ виду большой тяжести верблюжьихъ вьюковъ. По мѣрѣ же израсходованія провіанта и овса, онъ увеличивалъ переходы. Вьючка верблюдовъ начиналась съ разсвѣтомъ и по мѣрѣ того, какъ навьючивались, такъ верблюды и отправлялись небольшими частями въ 10—15 верблюдовъ. Верблюды такимъ образомъ шли одной вереницей по одной тропѣ, съ нѣкоторыми перерывами между отдѣльными нитками. Авангардъ изъ сотни казаковъ высылался впередъ и шолъ безостановочно. По мѣрѣ подхода верблюдовъ къ намѣченному авангардомъ мѣсту ночлега, верблюды немедленно выгонялись на тебеневку. Къ ночи верблюды сгонялись въ лагерь, причемъ очищалось мѣсто, гдѣ они ложились и подъ колѣна ихъ подстилались порожніе кули и циновки. Такимъ образомъ предохранялись отъ простуды и сырости. Снѣгу въ южной части степи,

гдѣ шолъ Бизяновъ, не было. Снѣгъ здѣсь появился только 4 декабря, когда Бизяновъ подходилъ уже къ Эмбѣ. Казаки имѣли горячую пищу ежедневно, соблюдая притомъ рождественскій постъ. Караульная служба была не такъ обременительна, какъ въ главномъ отрядѣ, и у людей для отдохновенія была цѣлая ночь. На встрѣчавшихся мѣстахъ, обильныхъ водой, кормомъ и топливомъ, Бизяновъ дѣлалъ дневки.

Колонна Бизянова шла сначала изъ Калмыкова на р. Уилъ, достигнувъ которой, пошла вдоль этой рѣки. 26 ноября колонна перешла чрезъ широкую и крутоберегую рѣчку Джангильды и 30 ноября достигла устья р. Аще-Уила, впадающую въ р. Уилъ. Отсюда колонна, оставивъ Уилъ въ сторонѣ, пошла прямо степью на востокъ, перешла нѣсколько ручьевъ, впадающихъ въ р. Сагизъ и 9 декабря пришла въ Эмбенское укрѣпленіе.

XXV.

Въ главный отрядъ на Эмбѣ прибылъ султанъ— правитель западной части киргизской орды—Айчуваковъ съ 250 вооруженными киргизами, которые предназначались на развѣдки, разъѣзды и посылки. Айчуваковъ привелъ съ собой 1000 верблюдовъ, собранныхъ имъ для отряда съ киргизскаго населенія, преимущественно съ рода Назаровцевъ. Султанъ этотъ привезъ два важныхъ, добытыхъ имъ свѣдѣнія: во первыхъ, что хивинскій ханъ Алла-Кулъ выслалъ на

встрѣчу русскихъ 2/т. конныхъ туркменъ и во вторыхъ, что снѣгъ, чѣмъ далѣе къ Усть-Урту, тѣмъ глубже *).

Во время стоянки отряда у Эмбенскаго укр. верблюды подъ прикрытіемъ казаковъ были отогнаны вер. за 20 отъ укр. на тебеневку. Верблюжьи тюки, бывшіе по 6—7 пудовъ, уменьшены до 4 и 5 пуд. Было пересмотрѣно и исправлено оружіе и артиллерійскіе припасы. Такъ какъ колонны отряда стояли вокругъ укрѣпленія и разъобщались 1/2 и 1/4 верстнымъ разстояніемъ другъ отъ друга, то начали производить ученья—подаванія ночью сигналовъ посредствомъ вспышекъ пороха. Не смотря на бывавшую иногда вьюгу, всѣ приказанія въ колонны и отвѣты отъ нихъ были передаваемы этими сигналами въ совершенной точности. Дѣлались ученья съ боевыми зарядами изъ орудій и былъ произведенъ взрывъ льда на р. Аты-Джаксы гальваническимъ приборомъ. При этомъ положенный тутъ издохшій верблюдъ разлетѣлся на мелкіе куски, ледъ взломало саженъ на 15 и выбросило со дна рѣки десятка два огромныхъ сазановъ. Это послѣднее обстоятельство дало мысль нашимъ казакамъ заняться рыбной ловлей въ плесахъ рр. Эмбы и Аты-Джаксы. Занятіе это шло успѣшно.

---

*) Султанъ Айчуваковъ за услуги Русскому Правительству получилъ чинъ полковника. Впослѣдствіи, уже въ 50-хъ годахъ, онъ ѣздилъ въ Петербургъ и лично былъ представленъ Государю. Произведенный въ генералы, Айчуваковъ возвращался въ свою степь и во время весенняго водоразлитія утонулъ при переправѣ чрезъ р. Илекъ. Онъ былъ первый генералъ изъ киргизъ Орен. вѣдомства.

Въ лагерѣ была разбита походная церковь, въ которой производилась служба. Не смотря на морозы, при богослуженіяхъ церковь бывала всегда переполнена молящимися воинами. 6 января, въ день Крещенія Господня, была тихая погода и морозъ былъ только 10 градусовъ. Послѣ литургіи священникъ въ бѣлой атласной ризѣ, казавшейся сіяющей, пошолъ съ войсками на іордань, устроенную на р. Аты-Джаксы. Здѣсь въ первый еще разъ въ воды этой рѣки былъ погруженъ Св. Крестъ при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ. При возвращеніи духовной процессіи, по окропленіи стѣнъ укрѣпленія, на флагъ-штокѣ его былъ поднятъ Императорскій штандартъ, причемъ съ одного изъ бастіоновъ былъ произведенъ 101 пушечный выстрѣлъ.

XXVI.

Одной изъ главныхъ заботъ корпуснаго командира была: куда дѣвать и какъ везти огромное количество больныхъ солдатъ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ больныхъ за время похода въ отрядѣ было 662; изъ нихъ выздоровѣло 392, возвращено въ Оренбургъ 24, умерло 34 и къ 1 января 1840 г. больныхъ въ отрядѣ состояло 202 ч. Это по рапортамъ, а на самомъ дѣлѣ умершихъ и больныхъ было больше *).

---

*) Въ доброе старое время дѣлалось такъ: если въ части число умершихъ въ мѣсяцъ было сверхъ нормы,—то дѣлался запасъ покойниковъ, который выводился въ расходъ въ послѣ-

Оффиціальный историкъ похода—полковникъ Иванинъ говоритъ: «Простуда была главная и почти неизбѣжная болѣзнь въ этомъ походѣ; во время труднаго перехода по глубокому снѣгу, работы при вьючкѣ и развьючкѣ верблюдовъ, рытья снѣга для добыванія топлива и проч., солдатъ приходилъ въ испарину, а отъ усталости, весь спотѣвши, садился походомъ на верблюда, а на ночлегѣ ложился спать, или, не имѣя времени просушить свое платье, долженъ былъ становиться на часы; при этомъ испарина останавливалась, и если къ тому солдатъ по неосторожности худо закутывался, или если наставалъ буранъ, или морозъ увеличивался, то очень естественно, что у солдата отъ остановки испарины развивалась злокачественнаго свойства простудная болѣзнь.

„Невозможность своевременно перемѣнять бѣлье и содержать себя опрятно еще болѣе развило худосочіе. Лѣченіе больныхъ, одержимыхъ большею частію простудными болѣзнями, зимою на открытомъ воздухѣ, было невозможно, потому что потогонныя, слабительныя и другія имъ подобныя средства вовсе не могли быть употребляемы, и заболѣвшіе большею частію умирали скоропостижно, потому что болѣзнь не могла правильно развиваться и проходить своихъ періодовъ». Здѣсь нѣтъ ни слова о плохой пищѣ и цингѣ.

дующіе мѣсяцы, когда почему-либо умершихъ было менѣе нормы. Смертность вся не показывалась, чтобы не встревожить высшее началство. Запасныхъ покойниковъ можно было вывѣсти въ расходъ при первомъ столкновеніи съ непріятелемъ.

Въ гарнизонахъ Эмбенскаго и Акъ-булакскаго укрѣпленій за 8 мѣсяцевъ стоянки умерло 93 человѣка; больныхъ въ гарнизонахъ было болѣе половины наличнаго состава, преимущественно цингой, горячкой, поносомъ и водянкой. Въ особенности болѣзненность и смѣртность была сильна въ Акъ-булакскомъ укрѣпленіи. Къ тому же еще между киргизами, кочевавшими близь этихъ укрѣпленій, была въ то время оспа, которой заразились отъ киргизъ и нѣкоторые изъ нижнихъ чиновъ.

Такъ какъ перевозъ больныхъ въ санитарныхъ повозкахъ найденъ былъ непрактичнымъ, то рѣшено было везти ихъ на верблюдахъ. Для этого устроены были изъ досокъ и войлока койки, привѣшивавшіяся по бокамъ верблюда. Хорошо закутаннаго больнаго клали въ эту койку, длиной около 2 аршинъ. Хотя въ этихъ койкахъ лежать было не совсѣмъ покойно, но по крайней мѣрѣ ни одинъ изъ больныхъ не отморозилъ конечностей, что часто случалось въ госпитальныхъ повозкахъ. Наблюдать за больными вызвался бывшій частно при отрядѣ извѣстный нашъ путешественникъ, отставной ротмистръ Чихачевъ, намѣревавшійся по занятіи Хивы пробраться въ Индію.

XXVII

Въ виду того, что при дальнѣйшемъ движеніи къ Хивѣ, Акъбулакское укрѣпленіе предназначалось упразднить, то нужно было заблаговременно всѣхъ больныхъ

въ этомъ укрѣпленіи перевезти въ Эмбенское укр. Для этой цѣли 17 декабря изъ Эмбенскаго укр. выступила небольшая колонна изъ 1-й роты 1 лин. б—на и 70 казаковъ подъ начальствомъ поручика Ерофѣева. Въ колоннѣ этой для перевозки больныхъ было 40 троечныхъ повозокъ и 230 верблюдовъ. Разстояніе отъ Эмбенскаго укр. до Акъбулакскаго было 160 верстъ.

Свѣдѣнія, добытыя Айчуваковымъ касательно высланныхъ хивинскимъ ханомъ противъ насъ туркменъ, были справедливы. 18 декабря полчища туркменъ около 2 или 3 тысячъ неожиданно напали на Акбулакское укрѣпленіе. Гарнизонъ укрѣпленія состоялъ изъ 130 здоровыхъ и 164 больныхъ людей, при 2 орудіяхъ. По тревогѣ солдаты быстро заняли брустверъ укрѣпленія и батальнымъ огнемъ изъ ружей и картечью изъ орудій отразили нападеніе. Въ минуту опасности и большая часть больныхъ солдатъ присоединилась къ защитникамъ. Непріятель нѣсколько разъ еще пытался броситься на укрѣпленіе, но былъ всякій разъ отражаемъ съ большимъ урономъ. При этомъ хивинцамъ не удалось даже зажечь складъ сѣна, бывшій внѣ укрѣпленія, но подъ его выстрѣлами. На другой день, 19 декабря, хивинцы еще разъ сдѣлали атаку на укрѣпленіе, но получивъ отпоръ, двинулись по дорогѣ къ Эмбенскому укр. Здѣсь въ 20 верстахъ отъ Акъ-булака они встрѣтили стоявшую бивакомъ колонну поручика Ерофѣева.

XXVIII

Колонна Ерофѣева шла форсированно, безъ всякихъ военныхъ предосторожностей. Въ день нападенія Ерофѣевъ остановился, не доходя 20 верстъ до Акъ-булака, по случаю сильнаго бурана. Люди разбрелись по степи, отыскивая топливо, верблюды и лошади ходили кругомъ бивака на скудной тебеневкѣ, часовыхъ не было и даже бывшій не вдалекѣ холмъ не былъ занятъ казачьимъ пикетомъ. У казаковъ ружья были въ чахлахъ, а у пѣхоты затюкованы въ воза. Вдругъ изъ-за холма, про который я упоминалъ, появилось сначала нѣсколько человѣкъ, а затѣмъ цѣлая масса конницы. Не долго думая масса эта кинулась въ атаку на безоружныхъ солдатъ. Къ счастію для отряда въ минуту нападенія на томъ фасѣ бивака, на который кинулись хивинцы, находился ротный барабанщикъ. Схвативъ свой незатѣйливый инструментъ, барабанщикъ началъ трещать тревогу. Эта находчивость не растерявшагося молодца-барабанщика спасла маленькій отрядъ отъ гибели и смерти: едва только лошади хивинцевъ подскакивали къ биваку, какъ, услышавъ трескъ невѣдомаго имъ дотолѣ инструмента, шарахались въ сторону, или, взвиваясь на дыбы, сбрасывали своихъ всадниковъ. Все это было дѣломъ 2—3 минутъ. Опомнившіеся казаки первые, вынувъ изъ чахловъ свои ружья, открыли пальбу. Затѣмъ уже и солдаты, распаковавши тюки съ ружьями и патронами, начали тоже стрѣльбу. Хивинцы отхлыну-

ли въ сторону и заворотили отъ насъ около 30 лошадей и 40 верблюдовъ съ бывшими при нихъ киргизами и однимъ солдатомъ. При этомъ нѣкоторымъ изъ нихъ посчастливилось схватить и увезти нѣсколько кулей съ сухарями. Сильно голодные хивинцы, отступивъ за холмъ, тотчасъ же принялись за жратву сухарей. Насытившись, они вновь произвели двѣ конныя атаки и одну пѣшкомъ, гоня передъ собой для защиты захваченныхъ нашихъ верблюдовъ. Всѣ эти атаки были отражены блистательно, причемъ непріятель потерялъ до 100 человѣкъ убитыми и ранеными.

Наша стрѣльба была очень мѣткая, ибо люди стрѣляли изъ-за бруствера, сдѣланнаго изъ тюковъ во время завтрака хивинцевъ. При этомъ ружья для лучшей мѣткости клались на тюки.

Къ вечеру хивинцы скрылись опять за холмъ. Въ нашей колоннѣ начали варить ужинъ. Хивинцы подкрались къ биваку, сдѣлали вблизи его завалъ изъ снѣга и цѣлясь на огонь произвели нѣсколько выстрѣловъ. Этими выстрѣлами одинъ казакъ былъ убитъ на повалъ и 3-е ранены. Зоркіе казаки разглядѣли этотъ завалъ. Вызваны были охотники, которые неожиданно нагрянувъ на хивинцевъ, сидѣвшихъ за заваломъ, обратили ихъ въ бѣгство, заколовъ на мѣстѣ 5 человѣкъ и захвативъ одного въ плѣнъ. Этого плѣнника Ерофѣевъ приказалъ оставить для допроса въ главномъ отрядѣ; но казаки предпочли лучше изрубить его въ отмѣстку за упитаго своего товарища.

Въ этомъ дѣлѣ колонна поручика Ерофѣева потеряла 5 челов. убитыми и 13 ранеными, убиты 4 лошади и 17 вербл., отогнано непріятелемъ 31 лошадь и 41 верблюдъ. Въ числѣ убитыхъ значится и захваченный въ плѣнъ солдатъ, изувѣченный трупъ котораго былъ найденъ на другой день на бывшемъ становищѣ хивинцевъ. Впослѣдствіи отъ нѣкоторыхъ возвратившихся изъ Хивы нашихъ плѣнныхъ сдѣлалось извѣстнымъ, что этого несчастнаго солдата хивинцы сожгли на медленномъ огнѣ. Отъ нихъ же добыто, что изъ высланнаго противъ насъ 2-хъ тыс. отряда туркменъ пришло назадъ не болѣе 700 чел. Остальные погибли отъ голода и особенно холода. По разсказамъ тѣхъ же плѣнниковъ зима 1839—40 года была настолько жестокая, что въ Хивѣ перемерзли корни виноградныхъ лозъ; погибли всѣ телята и ягнята и даже часть новорожденныхъ верблюжатъ.

XXIX

О нападеніи хивинцевъ на поручика Ерофѣева въ главномъ отрядѣ узнали 21 декабря, когда въ Эмбенское укр. прибыли отъ него два нашихъ казака съ донесеніемъ о происшедшемъ дѣлѣ. На своемъ пути казаки эти встрѣтили разрубленный по поламъ (поперекъ живота) трупъ чабара-киргиза, везшаго почту въ Акъ-булакское укр. Ротъ этого почтаря былъ набитъ клочками изорванныхъ бумагъ и сургучными печатями съ конвертовъ. Это было дѣло рукъ хивинской шайки, блуждавшей между нашими укрѣпленіями.

Генералъ Перовскій былъ очень доволенъ молодецкимъ дѣломъ отряда поручика Ерофѣева; Ерофѣевъ былъ награжденъ тутъ-же властію генерала Перовскаго орденомъ Св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ *) и представленъ имъ былъ въ штабсъ-капитаны. Хотя по предоставленной власти, Перовскій могъ награждать и чинами самъ до маіора включительно, но сдѣлалъ представленіе Ерофѣева по деликатности, или скромности, такъ какъ не дойдя еще до Хивы, считалъ себя не достойнымъ воспользоваться вполнѣ всѣми правами, данными ему Высочайшею волею. Прибывшимъ 2-мъ казакамъ Перовскій собственноручно навѣсилъ георгіевскіе кресты. Такіе же кресты получили находчивый барабанщикъ роты Ерофѣева и 12 ниж. чиновъ изъ его колонны, преимущественно бывшіе охотники при выбитіи хивинцевъ ночью изъ ихъ снѣжнаго завала.

XXX

Нѣкоторыя лица штаба Перовскаго при полученіи извѣстія о появленіи хивинцевъ, еще ничего не видя, начали уже трусить. Имъ начали мерещиться разные ужасы: мученическая кончина князя Бековича, дикая расправа съ захваченнымъ въ плѣнъ солдатомъ роты Ерофѣева и почтаремъ—киргизомъ, приводили ихъ въ самое мрачное настроеніе. Господа эти вовсе

*) Тогда мечей къ орденамъ не было. Ордена за военное отличіе давались только съ бантами. Украшеніе же мечами послѣдовало въ началѣ царствованія Императора Александра II.

не ожидали встрѣтить хивинцевъ на срединѣ пути. Изъ подтишка фазаны*) эти начали портить всѣ распоряженія Перовскаго, громко, не стѣснялись, порицая выбранное для похода зимнее время. Они прямо говорили, что если отрядъ пойдетъ дальше, то онъ неминуемо долженъ погибнуть. Все это доходило до слуха солдатъ и киргизъ. Послѣдніе, т. е. киргизы, были еще напуганы разнесеннымъ хивинцами слухомъ, что встрѣченная русскими у Акъ-булака партія туркменъ только еще передовой отрядъ хивинской арміи, что по Усть-урту идетъ на встрѣчу цѣлая армія съ самимъ ханомъ, что при арміи находится 100 *джамберековъ* (пушекъ), каждая величиной вдвое болѣе русскихъ пушекъ, что ханъ очень сердитъ на киргизъ, помогающихъ *гяурамъ* (не вѣрнымъ или не чистымъ), что въ мусульманскихъ святыхъ книгахъ сказано, что русскіе никогда не возьмутъ Хиву и пр. Слухи эти породили между верблюдоважатыми смуту, окончившуюся полнѣйшимъ неповиновѣніемъ.

За два дня до выступленія 1-й колонны, когда

*) Фазанъ-птица съ красивыми перьями. На Кавказѣ, Туркестанѣ птицы этой много. Первоначально кавказцы, а впослѣдствіи туркестанцы стали называть фазанами тѣхъ молодцовъ, которые въ красивой формѣ наѣзжали на наши окраины только исключительно во время предпринимаемыхъ военныхъ экспедицій. Представители этой золотой молодежи, получивши крестикъ, улетали во свояси. Въ пустое время, безъ перестрѣлокъ съ непріятелемъ, когда войска возводили укрѣпленія, рубили лѣсъ, проводили дороги, занимали кордоны, этихъ господъ не было: они не желали нести черною работу. Имъ нужно было только пожинать лавры.

верблюды были всѣ стянуты въ лагерь, большая часть киргизъ ночью скрылась изъ лагеря. По утру на другой день -29 декабря двѣ сотни 5-го Уральск. полка—войск. стар. Назарова были командированы въ разныя стороны найдти этихъ киргизъ. Казаки ихъ всѣхъ догнали и привели въ лагерь.

Когда убѣжавшіе приближались къ лагерю, на встрѣчу къ нимъ вышли и всѣ остававшіеся въ лагерѣ киргизы. Всѣ они толпой, человѣкъ болѣе тысячи, повалили къ ставкѣ генерала Перовскаго и заявили, что они дальше не пойдутъ. По тревогѣ дежурная рота и еще двѣ сотни уральскихъ казаковъ были немедленно вызваны въ ружье и окружили киргизъ. Перовскій объявилъ киргизамъ, что онъ выступилъ въ походъ по повелѣнію Государя Императора, что всякій находящійся въ отрядѣ долженъ слѣпо повиноваться его начальнику, въ противномъ случаѣ, какъ ослушникъ воли царской, будетъ примѣрно наказанъ и при этомъ приказалъ, чтобы всѣ благомыслящіе киргизы немедленно отдѣлились отъ крикуновъ. Въ отвѣтъ на это толпа еще громче заорала, что никто изъ нихъ не пойдетъ дальше и даже послышались угрозы. Тогда Перовскій приказалъ вырыть яму и поставить столбъ. Такъ какъ это приготовленіе къ наказанію ни мало не устрашило киргизъ, то Перовскій приказалъ казакамъ схватить одного изъ близь стоявшихъ къ нему крикуновъ и привязать къ столбу, а изъ дежурной роты вызвалъ 12 солдатъ съ заряженными ружьями. Когда привязанный къ столбу киргизъ, на увѣщаніе

бывшаго тутъ султана Айчувакова, еще разъ закричалъ, что не пойдетъ, то послѣдовалъ залпъ и окровавленный трупъ ослушника свалился въ яму. Толпа не унималась, и послышались даже крики, видимо навѣянные извнѣ, что Перовскій не имѣетъ права убивать мирныхъ подданныхъ русскаго Царя, что они будутъ жаловаться. Тогда Перовскій своимъ мощнымъ голосомъ закричалъ, что за это онъ ихъ всѣхъ перестрѣляетъ по одному. Схваченъ былъ другой киргизъ, участь котораго была та-же, что и перваго. „Слѣдующаго“! закричалъ Перовскій. Разстрѣлянъ былъ и третій киргизъ. „Слѣдующаго!“ опять крикнулъ Перовскій. Казаки схватили четвертаго, близь стоявшаго киргиза и начали привязывать его къ столбу. Команда солдатъ заряжала ружья. Толпа замолкла; ужасъ смерти сильно повліялъ на киргизъ и вдругъ всѣ они завопили, прося пощады. Они, какъ оказалось послѣ, были вполнѣ увѣрены, что генералъ Перовскій не имѣетъ права ихъ разстрѣливать и не можетъ этого сдѣлать, оттого у нихъ явилась самоувѣренность и рѣшимость бросить отрядъ.

Генералъ Перовскій, прекративъ экзекуцію, приказалъ сказать имъ, что если кто-нибудь изъ нихъ осмѣлится уйти изъ отряда самовольно ночью, то будетъ пойманъ и разстрѣлянъ; если же удастся такому бѣглецу скрыться, то все равно его вездѣ найдутъ посланные султаномъ — правителемъ люди и онъ будетъ казненъ въ Оренбургѣ. Эта угроза и видъ смертной казни такъ напугали киргизъ, что ни одинъ изъ нихъ

во все послѣдующее время похода не ушолъ тайно изъ отряда.

XXXI

Когда всѣ приготовленія къ дальнѣйшему походу были окончены, то колонны отряда начали выступать на Акъ-булакъ. 1-я колонна полковника Бизянова изъ 7 уральскихъ сотенъ *) выступила съ Эмбы 31 декабря. На колонну Бизянова было возложено протаптывать дорогу для прочихъ колоннъ. Затѣмъ 4, 10 и 16 января послѣдовательно выступали съ Эмбы: 2-я колонна – полковника Кузьминскаго, 3-я — генер.-маіора Щіольковскаго и 4-я — полк. Геке. Самъ Перовскій оставался въ Эмбенскомъ укрѣпленіи, занимаясь снаряженіемъ коловнъ и обезпеченіемъ оставляемыхъ въ укрѣпленіи больныхъ. Съ небольшимъ конвоемъ изъ уральскихъ казаковъ генералъ Перовскій выѣхалъ изъ Эмбенскаго укрѣпленія 17 января, обгоняя слѣдовавшія колонны отряда.

XXXII

Колонны шли сначала вдоль лѣваго берега рѣки Аты-Джаксы и ручья Талысай, перейдя который въ 80 верстахъ отъ Эмбы, вступили на солонцы, переходъ которыхъ въ распутицу бываетъ не возможенъ. Солонцы

*) Прочія 3 сотни уральцевъ были распредѣлены въ прочія колонны.

эти простираются до самаго урочища Чушка-Куль, на которомъ и было Акъ-Булакское укр. Ихъ пересѣкаютъ двѣ возвышенности: Бакиръ и Али *), чрезъ которыя подъемы и спуски не оченъ удобные.

Разстояніе отъ Эмбенскаго укр. до Акъ-Булакскаго всего 160 вер. колонны прошли въ теченіи 15 дней. Причина такого медленнаго движенія была необыкновенная трудность пути. Казакамъ Бизянова приходилось по глубокому снѣгу проходить по нѣскольку разъ взадъ и впередъ, чтобы сколько нибудь сдѣлать удобной дорогу. Колонна его въ первые четыре дня по выступленіи сдѣлала только 20 верстъ. Не смотря на это, вслѣдствіе почти каждодневныхъ бурановъ, путь этой колонны былъ вскорѣ занесенъ снѣгомъ, и казачьимъ сотнямъ, бывшимъ при прочихъ колоннахъ, вновь приходилось протаптывать снѣгъ для каждой колонны. Только не вполнѣ еще занесенные снѣгомъ трупы верблюдовъ указывали путь слѣдованія колоннъ. Этому еще помогали сдѣланные уральцами передовой колонны столбы изъ снѣга. Во время этого движенія отъ Эмбы къ Акъ-Булаку пало до 1500 верблюдовъ и брошено за совершеннымъ обезсиленіемъ около 2500 этихъ животныхъ. Верблюды шли по утоптанной казаками дорогѣ въ 4 или 6 нитокъ; случалось путь для нихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ расчищать лопатами. Не смотря на все это, верблюды падали, останавливая ходъ колонны. Люди, утопая въ снѣгу по колѣно, приходили въ

*) Возвышенности эти не были означены на нашихъ топографическихъ картахъ.

изнеможеніе. Поднять упавшихъ верблюдовъ рѣдко удавалось и, такъ какъ они преграждали дорогу, то приходилось протаптывать новыя тропы. Артиллерія, везомая до Эмбы верблюдами, теперь шла на лошадяхъ, причемъ то и дѣло приходилось завязнувшія въ сугробахъ орудія вытаскивать людьми или лошадьми уральцевъ.

XXXIII

При такихъ невыносимыхъ трудахъ, въ колоннѣ Ціольковскаго было полнѣйшее безобразіе. Колонна его всегда поднималась въ 2 ч. ночи, и начиналась вьючка верблюдовъ. Не выспавшіеся, утомленные люди бродили между вьюковъ какъ тѣни, вьючили въ потьмахъ какъ нибудь, а въ 5 ч., когда еще зимой совершенно темно, колонна трогалась. Въ темнотѣ терялось направленіе движенія, и колонна часто блуждала. Нѣкоторые суточные переходы колонны Ціольковскаго были не болѣе 9 верстъ, потому что люди, блуждая напрасно ночью, поправляя вьюки дорогой, отъ изнуренія совершенно не въ силахъ были идти болѣе. У Ціольковскаго при этомъ явилась особая польская спѣсь: кибитку свою онъ приказывалъ ставить выше всѣхъ прочихъ кибитокъ съ длиннымъ флагштокомъ, на которомъ развѣвался значекъ съ польскими національными цвѣтами и гербомъ. Бывшіе въ его колоннѣ человѣкъ до 17 поляковъ-солдатъ, преимущественно изъ разжалованныхъ за мятежъ офицеровъ польской

арміи, были самыми приближенными къ нему людьми, приглашались имъ къ столу и на разныя бесѣды. Изъ этихъ ссыльныхъ поляковъ Ц—скій устроилъ мудрѣйшую систему шпіонства, такъ что офицеры колонны могли между собой откровенно говорить только шепотомъ. Всѣ эти поляки были за походъ произведены въ унтеръ-офицеры, называли себя юнкерами и были принимаемы въ офицерскую среду. Оберъ-шпіономъ этой польской шайки былъ нѣкто Завадскій, уроженецъ Виленской губ. Всѣ эти господа говорили со словъ Ц—скаго, что Перовскій выбралъ самое неудачное время для похода, что походъ не обдуманъ, что вслѣдствіе разныхъ со стороны доносовъ, въ Петербургѣ стала понятной неспособность Перовскаго управлять краемъ и войсками, что онъ не нынче-завтра будетъ отозванъ и что отрядомъ будетъ командовать Ц—скій и пр. Звѣрство Ц—скаго продолжалось: каждодневно наказывалось нагайками отъ 25 до 50 нижн. чиновъ за малѣйшія къ этому поводы: оторванная или не застегнутая на шинели пуговица, косо поставленная джуламейка, ружье, приставленное къ тюку, лошадь не въ путахъ, грязная торба и пр.

XXXIV

Числа 20 января въ колонну Ц—скаго прибылъ неожиданно Перовскій. Сухо поздоровавшись съ Ц—скимъ, Перовскій обошолъ всю колонну, здороваясь съ каждой ротой и сотней отдѣльно. Вечеромъ Ціольков-

скій былъ потребованъ въ кибитку Перовскаго и тамъ между ними былъ секретный разговоръ съ глаза на глазъ около полчаса времени. Бесѣда эта осталась тайной даже для Никифорова. Только часовые, бывшіе у кибитки, передавали потомъ подъ секретомъ, что Ц—скій, выходя изъ кибитки, былъ очень взволнованъ и сказалъ что-то Перовскому на непонятномъ для нихъ языкѣ раздраженнымъ и угрожающимъ тономъ. А корпусный командиръ на это сказалъ по-русски Ц—скому: «Я не боюсь васъ, генералъ: я вѣдь не пью кофе».

Фраза эта требуетъ поясненія. Генералъ Молоствовъ по своимъ убѣжденіямъ былъ противникомъ Ц—скаго. Не задолго до выступленія съ Эмбы, Молоствовъ, послѣ выпитаго имъ стакана кофе въ кибиткѣ Ц—скаго, внезапно заболѣлъ, съ признаками отравленія. Въ отрядѣ всѣ тогда говорили, что Ц—скій хотѣлъ отравить Молоствова, какъ старшаго въ отрядѣ генерала послѣ генер.-лейт. Толмачева, который съ самаго ур. Бишъ-Тамакъ ѣхалъ въ саняхъ, больной ногами и ни чѣмъ не командовалъ.

Вечеромъ этого дня отданъ былъ приказъ, по которому генералъ Перовскій самъ лично принималъ начальствованіе колонной Ц—скаго. Вскорѣ колонну эту нагнала 4-я колонна полк. Геке, и обѣ колонны эти пошли вмѣстѣ.

XXXV

Урочище Чушка-куль, въ переводѣ свинячье озеро, представляетъ изъ себя довольно большое болото съ топкими берегами. Вокругъ болота,—обширные солончаки. Съ западной стороны этого урочища находится небольшая возвышенность, у подошвы которой бьетъ изъ подъ земли ключъ свѣжей прозрачной воды. Ключъ этотъ называется Акъ-булакъ. Вотъ близь него то, на возвышенности и было построено Акъ-Булацкое укрѣпленіе. Въ 1873 г. нашъ отрядъ шолъ послѣ занятія Хивы обратно чрезъ это урочище. Стѣнки укрѣпленія еще тогда сохранились. Оно имѣло форму небольшого редута съ двумя діоганально расположенными закругленными барбетами. Подъ однимъ изъ барбетовъ сохранилась еще потерна (узкій проходъ подъ валомъ) къ самому Акъ-булацкому источнику. Вода этого ключа имѣетъ сѣрносолонцеватый вкусъ и, по мнѣнію врачей, не особенно здорова.

Поручикъ Ерофѣевъ, прибывши на Акъ-булакъ 21 декабря, не могъ исполнить возложенное на него порученіе—забрать всѣхъ больныхъ въ укрѣпленіи и перевезти ихъ на Эмбу. Въ укрѣпленіи былъ очень незначительный запасъ сѣна, а верблюды и лошади колонны Ерофѣева, измученные форсированнымъ переходомъ, требовали отдыха и хорошаго корма. Землянки въ укрѣпленіи были мрачныя, сырыя и тѣсныя; колоннѣ Ерофѣева пришлось жить въ своихъ войлочныхъ кибиткахъ. Болѣе половины гарнизона лежали больными

разными простудными болѣзнями, дезинтеріей и, въ особенности, цынгой. Многіе лежали неподвижно съ сведенными руками и ногами, другіе еще могли ползать по сырому земляному полу въ землянкахъ. Въ укрѣпленіи было тихо и мертво, какъ въ разрытой могилѣ: чувствовался общій упадокъ духа. Покойниковъ хоронили ежедневно; между ними приходилось хоронить и офицеровъ. Голодные степные волки окружали по ночамъ укрѣпленіе цѣлыми стаями, поднимали ужасный вой, раскапывали могилы и съѣдали похороненныхъ людей. Въ колоннѣ Ерофѣева вскорѣ послѣ прибытія тоже началась болѣзненность и не прошло недѣли, какъ 1/4 часть его роты тоже лежала больными. Комендантъ укрѣпленія и почти всѣ офицеры гарнизона были тоже больны. Въ должность коменданта вступилъ находившійся случайно на Акъ-булакѣ горный инженеръ — капитанъ Ковалевскій *), который и приказалъ наз-

---

*) Въ тѣ времена инженеры горные и путей сообщенія лѣсной корпусъ, многіе исправники, городничіе и пр. всѣ имѣли военные чины и военный мундиръ. Горные инженеры: кап. Ковалевскій и поручикъ Гернгроссъ были осенью 1839 г. посланы изъ Оренбурга съ бухарскимъ караваномъ въ Бухарское ханство для геологическихъ изслѣдованій и особенно для розыска золотой руды. На Сыръ-Дарьѣ караванъ встрѣтился съ хивинцами. Боясь плѣна Ковалевскій и Гернгроссъ, нанявъ одного вѣрнаго киргиза-вожака, въ одну буранную ночь бѣгли изъ каравана. Проскакавъ въ 2 1/2 сутокъ около 300 верстъ, офицеры эти прибыли въ Акъ-булакское укрѣп. 25 ноября. При нападеніи туркменъ на это укрѣпленіе Ковалевскій и Гернгроссъ распоряжались стрѣльбой изъ орудій.

начить въ караулъ людей изъ отряда Ерофѣева въ виду изнуренія гарнизона.

XXXVI

Описывая движеніе отряда къ Акъ-булаку, полковникъ Иванинъ, состоявшій при генералѣ Перовскомъ въ 3-й колоннѣ, говоритъ:

«Не смотря на то, что этой колоннѣ предшество-«вали двѣ переднія колонны, и что она выступила «всего 6-ю днями послѣ 2-й колонны, ей пришлось «пролагать себѣ мѣстами новый путь, потому что тро-«пинки переднихъ колоннъ вновь занесены были снѣ-«гомъ. Только по временамъ мы могли видѣть, что «идемъ путемъ переднихъ колоннъ, по снѣговымъ «столбамъ, въ ростъ человѣка, которые Уральскіе ка-«заки первой колонны насыпали въ нѣкоторомъ разсто-«яніи одинъ отъ другаго и по лагернымъ мѣстамъ 1 «и 2 колоннъ, которыя обозначались кучами снѣга, «взрытаго для укладки верблюдовъ и постановки ки-«битокъ, а также по оставленнымъ, обезсилившимъ и «упавшимъ верблюдамъ, или по замерзшимъ трупамъ «ихъ, частію занесенныхъ снѣгомъ, частію объѣден-«ныхъ хищными звѣрями.

«3-я колонна, имѣвшая при себѣ болѣе всего тя-«жестей, верблюдовъ и артиллеріи, испытала въ пу-«ти и болѣе трудностей, которыя въ состояніи пере-«нести толькое русское войско.

«Если переходъ чрезъ гору Симиломъ 12-ти ты-
«сячнаго отряда Макдональда въ 1800 году считал-
«ся французамио бразцовымъ, но необыкновеннымъ уси-
«ліямъ и трудамъ, перенесеннымъ французскими вой-
«сками во время трехдневной бури, засыпавшей сне-
«гомъ почти на протяженіи 30 верстъ дорогу, кото-
«рую пришлось имъ протаптывать быками и расчи-
«щать рабочими, а орудія мѣстами переносить
«на рукахъ,—то съ чѣмъ сравнить терпѣніе, по-
«стоянство, усердіе и дисциплину нашихъ войскъ, пе-
«реносившихъ въ теченіи полумѣсяца едва-ли не боль-
«шія еще трудности на 150 верстномъ переходѣ, по
«глубокому снѣгу отъ Эмбы къ Акъ-булаку, при тре-
«скучихъ морозахъ и сильныхъ буранахъ; не гово-
«римъ уже о трудностяхъ всего этого похода.

«Остановки для ночлеговъ не были отдыхомъ для
«войскъ: на становищахъ надобно было навьючивать
«и развьючивать до 16,000 вьюковъ и потомъ, что-
«бы согрѣться или сварить кашицу, надобно было пе-
«рерывать кучи снѣгу, глубокаго, жесткаго, мѣстами
«даже обледенѣлаго и крѣпкаго, и изъ мерзлой зем-
«ли вырубать тоненькіе корешки скудныхъ здѣшнихъ
«травъ, состоявшихъ иногда изъ низкой полыни и
«солянки, расчищать мѣста для кибитокъ, для верб-
«людовъ и проч., словомъ—становище не было отды-
«хомъ; солдатъ и казакъ успокаивался только къ 8
«и 9 часамъ вечера, а въ 2 или 3 часа утра дол-
«женъ былъ подыматься для новыхъ такихъ же тяж-
«кихъ трудовъ, которые могъ перенести только рус-
«скій солдатъ и казакъ».

XXXVII

Генералъ Перовскій прибылъ на Акъ-булакъ съ 3 и 4 колоннами 25 января. Колонны отряда расположились вокругъ укрѣпленія. Пребываніе здѣсь было далеко хуже эмбенской стоянки. Не было ни сѣна, ни топлива. Морозы же между тѣмъ еще болѣе усились. Многіе градусники полопались. Вслѣдствіе сильныхъ морозовъ на небѣ часто появлялись столбы радужнаго цвѣта, или появлялись при восходѣ солнца два побочныя солнца, которыя сіяли также, какъ настоящее. Вскорѣ наши казаки нашли тальникъ и кугу, растущіе по оврагу р. Чегану, верстахъ въ 8 отъ укрѣпленія. Туда начали посылать рабочихъ съ санями, и отрядъ началъ имѣть топливо.

Генералъ Перовскій страдалъ физически и нравственно. У него открылись старыя раны. Мысль, что онъ одинъ виновникъ гибели людей, введшій своими доводами къ рѣшенію похода, доставить непріятность и горе Царю, котораго онъ обожалъ и который былъ къ нему такъ милостивъ, все это такъ губительно дѣйствовало на Перовскаго, что онъ лишился аппетита, страшно осунулся и похудѣлъ. Говорили, что онъ будто бы умышленно не принималъ пищи, рѣшаясь уморить себя голодомъ, чтобы не видѣть свой позоръ въ глазахъ петербургскихъ недруговъ, которые бы были въ восторгѣ отъ его безславія. Къ этому еще присоединилась болѣзненная, вкравшаяся къ нему мысль и ложное убѣжденіе, что войска его глу-

боко ненавидятъ, какъ виновника своихъ страданій. Но однажды, ходя ночью ни кѣмъ незамѣчаемый между солдатскими кибитками, онъ услышалъ разговоръ ихъ между собой. Изъ бесѣды этой онъ понялъ, что солдаты вѣруютъ въ него, любятъ его, глубоко сожалѣютъ, что, по слухамъ, онъ ничего не ѣстъ и выказали опасеніе бѣды и несчастій, если онъ, Перовскій, сильнѣе захвораетъ и, спаси Богъ, умретъ. „Тогда мы всѣ погибнемъ“, говорили солдаты. Подслушанный разговоръ благодѣтельно подѣйствовалъ на Перовскаго. Онъ воспрянулъ духомъ и у него явился аппетитъ.

XXXVIII.

Среди офицеровъ отряда, касательно дальнѣйшаго движенія, составились двѣ партіи. Одна, къ которой принадлежала большая часть штабныхъ, генералъ Ціольковскій, его соотечественники—поляки и нѣкоторые строевые офицеры считали дальнѣйшій походъ безуміемъ; другая часть, имѣя во главѣ генерала Молоствова, который на Абъ-булакѣ выздоровѣлъ, считали, что возвращаться въ Оренбургъ, даже не изслѣдовавши Усть-Урта, будетъ дѣломъ постыднымъ для русскаго человѣка и останется неизгладимымъ пятномъ въ исторіи походовъ русскихъ войскъ. Молоствовъ и его послѣдователи говорили, что нужно испытать все до послѣдней крайности и, если окажется, что дѣйствительно дальше идти невозможно, тогда только возвращаться обратно.

Генералъ Перовскій по прибытіи на Акъ-булакъ немедленно послалъ 2 сотни уральцевъ при 1 трехъ-фунтовомъ единорогѣ подъ начальствомъ полковника Бизянова впередъ на Усть-Уртъ. Съ отрядомъ этимъ былъ командированъ генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Рехенбергъ. Бизянову велѣно было найдти хорошій подъемъ на возвышенную плоскость Усть-Урта и пройдти по Усть-Урту по направленію къ Хивѣ нѣкоторое разстояніе, чтобы посмотрѣть, нѣтъ-ли слѣдовъ непріятельскихъ войскъ и какой величины снѣгъ на Усть-Уртѣ.

Небольшой отрядъ этотъ вернулся черезъ 8 дней, и полков. Бизяновъ, равно какъ и шт.-кап. Рехенбергъ донесли, что снѣга впереди верстъ на 100 до подъема на Усть-Уртъ еще глубже, что корма и топливо ими занесены, что мѣстами съ трудомъ можно пройдти даже на лошадяхъ; что на Усть-Уртѣ, по коему Бизяновъ прошолъ верстъ 20, снѣгу хотя менѣе, чѣмъ внизу, но все-таки много; снѣгъ мягче и рыхлѣе; слѣдовъ непріятеля ни гдѣ не открыто, изъ чего можно было заключить, что дѣйствовавшая подъ Акъ-булакомъ партія хивинцевъ возвратилась въ Хиву по причинѣ суровой зимы.

Къ этимъ неутѣшительнымъ извѣстіямъ присодинилось еще два неблагопріятныхъ донесенія, полученныя изъ Оренбурга: 1, что провіантъ, отправленный моремъ изъ Астрахани, для продовольствія гарнизона Ново-Александровскаго укрѣпленія и 2-хъ-мѣсячный запасъ для экспедиціоннаго отряда (2500 четвертей

муки и 250 четв. крупъ) весь погибъ: частію будучи разграбленъ киргизами по подстрекательству хивинцевъ, а частію потопленъ. Перовскій видѣлъ въ этомъ умышленное противодѣйствіе его распоряженіямъ со стороны астраханскихъ властей, отправившихъ суда съ провіантомъ вмѣсто лѣта, какъ просилъ Перовскій, глубокой осенью—въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда на Каспійскомъ морѣ всегда бываютъ бури. Часть судовъ была затерта льдомъ у прорвы, верстахъ въ 300 отъ Гурьева и здѣсь были сожжены киргизами, другія же суда, получивъ будто-бы поврежденія отъ шторма, выбросили провіантъ въ море и пришли обратно въ Астрахань пустыми. Злые языки говорили тогда, что суда эти и изъ Астрахани вышли порожними, а закупленный провіантъ былъ только на бумагѣ.

Второе неблагопріятное извѣстіе было то, что состоявшій при Оренб. пограничной коммиссіи *) корнетъ Аитовъ, командированный на низовья Эмбы для сбора верблюдовъ, былъ захваченъ въ плѣнъ и увезенъ въ Хиву. Аитовъ долженъ былъ нанять верблюдовъ у киргизъ и перевезти на нихъ въ отрядъ Перовскаго провіантъ, закупленный въ Астрахани и долженствовавшій прибыть въ Ново-Александровское укрѣпленіе. Этими верблюдами Перовскій расчитывалъ

*) Оренб. пограничная коммиссія вѣдала всѣми киргизами Оренб. вѣдомства. Въ 1869 г., съ открытіемъ степныхъ областей, она была переименована въ Тургайское областное правленіе.

замѣнить пришедшихъ въ негодность верблюдовъ главнаго отряда. Такимъ образомъ ни провіанта, ни верблюдовъ Перовскому ждать было не откуда.

XXXIX.

Къ 1 февраля въ 3½ линейныхъ баталіонахъ экспедиціоннаго отряда по строевымъ рапортамъ состояло на лицо только 1856 ниж. чиновъ, да значилось 130 челов., оставленныхъ на усиленіе Эмбенскаго гарнизона. Умершихъ за походъ къ 1 февраля считалось 236 челов., больныхъ при отрядѣ было 528.

Въ Оренб. казачьемъ дивизіонѣ остававшіяся лошади всѣ пали. Смертность и болѣзненность людей была тоже огромная.

Въ 4 и 5 Уральскихъ полкахъ 1 казакъ былъ убитъ (подъ Акъ-булакомъ, въ отрядѣ Ерофѣева) и умерло 3 казака. Больныхъ значилось 15 человѣкъ.

XL.

При отрядѣ было 5000 тощихъ верблюдовъ *),

*) Многія верблюдицы ожеребятились и сдѣлались неспособными къ походу. Бывшій при отрядѣ естествоиспытатель — ученый нѣмецъ Леманъ досталъ однажды новорожденнаго верблюженка и началъ его анатомировать. Когда онъ насчиталъ въ трупѣ 4 желудка, то бывшій у Лемана вѣстовой уральскій казакъ сказалъ: «что-жь мудренаго, что верблюды дохнутъ; и одному желудку ѣсть нечего, а четырехъ и подавно не накормишь; на грѣхъ видно Богъ создалъ верблюдовъ».

способныхъ кое-какъ поднять только мѣсячный запасъ продовольствія для отряда. При такомъ положеніи дѣлъ генералъ Перовскій потребовалъ мнѣнія начальниковъ колоннъ; подаютъ ли надежду состоявшіе при ихъ колоннахъ верблюды достигнуть Хивы?

Начальники колоннъ донесли, что по причинѣ ослабленія силъ верблюдовъ, скудныхъ кормовъ и глубокихъ снѣговъ, дальнѣйшее движеніе къ Хивѣ невозможно. Тоже самое высказалъ и султанъ Айчуваковъ, которому, какъ киргизу, лучше всѣхъ были извѣстны свойства верблюдовъ и предстоявшій къ Хивѣ путь.

Утромъ 1 февраля къ кибиткѣ корпускаго командира были созваны всѣ начальники колоннъ и наличные штабъ и оберъ-офицеры отряда. Генералъ Перовскій объявилъ собравшимся о положеніи дѣлъ и приказалъ немедленно начать сборы къ обратному движенію. Когда созванные начали расходиться, Перовскій остановилъ Никифорова, приказалъ ему войдти въ кибитку и сказалъ дрожавшимъ отъ волненія голосомъ: „Сядьте и напишите приказъ объ отступленіи!“.

Никифоровъ сѣлъ къ походному столику и наскоро написалъ слѣдующій „приказъ по отряду войскъ Хивинской экспедиціи“:

„Февраля 1 дня 1840 года.

„Товарищи! Скоро три мѣсяца, какъ выступили мы „по повелѣнію Государя Императора въ походъ съ „упованіемъ на Бога и съ твердою рѣшимостью

исполнить Царскую волю. Почти три мѣсяца сряду боролись мы съ неимовѣрными трудностями, одолѣвая препятствія, которыя встрѣчаемъ въ необычайно жестокую зиму отъ бураповъ и непроходимыхъ, небывалыхъ здѣсь снѣговъ, заваливших путь нашъ и всѣ корма. Намъ не было даже отрады встрѣтить непріятеля, если не упоминать о стычкѣ, показавшей все ничтожество его. Не взирая на всѣ перенесенные труды, люди свѣжи и бодры, лошади сыты, запасы наши обильны. Одно только намъ измѣнило: значительная часть верблюдовъ нашихъ уже погибла, остальные обезсилены, и мы лишены всякой возможности поднять необходимое для остальной части пути продовольствіе. Какъ ни больно отказаться „отъ ожидавшей насъ побѣды, но мы должны возвратиться на сей разъ къ своимъ предѣламъ. Тамъ будемъ ждать новыхъ повелѣній Государя Императора; „въ другой разъ будемъ счастливѣе. Мнѣ утѣшительно благодарить васъ всѣхъ за неутомимое усердіе, „готовность и добрую волю каждаго, при всѣхъ перенесенныхъ трудностяхъ. Всемилостивѣйшій Государь и Отецъ нашъ узнаетъ обо всемъ“ *).

— Дайте перо, я подпишу, сказалъ Перовскій, когда Никифоровъ прочелъ ему этотъ приказъ.

— Но вѣдь это только черновая. Позвольте, Ваше Выс-п-ство, я прикажу сейчасъ же переписать бумагу на бѣло, возразилъ Никифоровъ.

*) Вотъ какъ пишутся иногда оффиціальныя бумаги! Въ особенности интересно въ приказѣ, что «люди свѣжи и бодры, лошади сыты, запасы наши обильны».

— Ахъ, не мучьте меня, ради Бога! Дайте пе поскорѣе! Неужели вы хотите, чтобы я еще ра читалъ этотъ горькій и непріятный для меня пр казъ,—раздраженно проговорилъ Перовскій и, взя у Никифорова перо, быстро подписалъ бумагу.

„Такъ сей приказъ и былъ приложенъ къ дѣ экспедиціи не перебѣленный",—говоритъ въ свои записках одинъ участникъ этой злосчастной экспед ціи *).

Полковникъ Иванинъ въ своемъ описаніи похо говоритъ:

„Съ горестію войска услышали приказъ о возвра „номъ походѣ. Уральскіе казаки болѣе всѣхъ жал „ли, что не удалось побить басурмановъ, наказа „хищную Хиву и выручить своихъ братьевъ изъ н „воли. Угрюмо всѣ готовились къ возвратному пут „и въ лагеряхъ надолго перестали раздаваться вес „лыя пѣсни. Немедленно начали забирать по коло „намъ бывшіе на Акъ-булакѣ продовольственные з „пасы, пересыпать въ мелкіе вьюки, отбирать все, ч „было необходимо для возвратнаго похода, то-есть ч „служило въ пищу и въ топливо, часть запасовъ, к „торая не могла быть взята съ собой, оставлена „мѣстѣ, или истреблена; нѣкоторыя тяжести, какъ-т „якоря, фальшфейры и пр. были зарыты въ землю „тотъ конецъ, что-бы, въ случаѣ втораго похо „въ Хиву, ихъ опять взять со собою. Втораго по „да не было, вещи, зарытыя въ низменной солон

*) Корпуса военныхъ топографовъ подполковникъ Зелени

„ватой долинѣ, вѣроятно долго не отыщутся; и такъ, „если пройдутъ вѣка, походъ этотъ исчезнетъ изъ па-„мяти людей, а якоря съ прочими зарытыми вещами „случайно найдутся: сколько догадокъ, теорій и пред-„положеній явится о бывшемъ здѣсь днѣ моря, объ „убылѣ Каспія, о плаваніи по водамъ его до Акъ-„Булака и доисторическомъ, древнемъ образованномъ „народѣ“.

Полковникъ Бизяновъ съ своими уральцами просились идти однимъ въ Хиву; но Перовскій выразилъ, что они здѣсь нужнѣе, ибо, какъ крѣпкіе, закаленные люди помогутъ отряду дойдти до линіи.

Да неодни только наши казаки желали идти въ Хиву и не хотѣли отступать. Генералъ Молоствовъ и многіе штабъ-офицеры доказывали, что можно еще идти. Полковникъ Иванинъ въ своемъ трудѣ „Зимній походъ въ Хиву 1839 г.“ высказываетъ, что взявъ бывшую въ дѣлѣ роту Ерофѣева, отобравъ изъ пѣхоты охотниковъ человѣкъ 500, взявъ часть артиллеріи и два полка уральцевъ,—смѣло можно было идти впередъ. Верблюдовъ для поднятія тяжестей отряда достало бы; продовольствіе было. Но генералъ Перовскій, внявъ голосу хитрецовъ—совѣтниковъ, желавшихъ поскорѣе вернуться, рѣшилъ отступленіе безповоротно. Онъ это рѣшилъ втайнѣ еще ранѣе, и посылка Бизянова на Усть-Уртъ была только проформой.

XLI.

Г. Иванинъ очень подробно описываетъ интригу

Ціольковскаго и штабныхъ лицъ, которые весьма ловко задержали отрядъ почти на мѣсяцъ на Эмбѣ подъ предлогомъ поправки верблюдовъ, перевѣшиваніе тюковъ, устройства коекъ для больныхъ и пр. Онъ сомнѣвается въ числѣ павшихъ верблюдовъ, а приводитъ ту мысль, что Ціольковскій и его клевреты, люди «податливой совѣсти», занимавшіеся счетомъ верблюдовъ, просто отпускали тайкомъ киргизъ на хорошихъ верблюдахъ, оставляя самыхъ плохихъ изъ нихъ при отрядѣ. Показанное же *истребленным* на Акъ-булакѣ продовольствіе (36 дневный запасъ для отряда сухарей, крупъ и муки), за невозможностію везти, на самомъ дѣлѣ отдано или продано киргизамъ, въ ихъ аулы.

Одинъ участникъ экспедиціи (изъ штабныхъ), говоря объ отданномъ приказѣ — идти обратно, говоритъ, что приказъ произвелъ «большое оживленіе въ отрядѣ: словно получили разрѣшеніе выступить изъ зачумленнаго города».

XLII.

Съ 4-го февраля началось выступленіе колоннъ съ Акъ-булака обратно. Весь лѣсъ изъ землянокъ: рамы, косяки, подпорки и пр. все было тщательно взято съ собой на топливо. 1500 четвертей муки и сухарей показано истребленными за невозможносью поднять этотъ провіантъ. Подъ стѣны и землянки подведены мины, и часть ихъ была взорвана при выступленіи послѣдней колонны.

При обратномъ походѣ къ Эмбенскому укр. отрядъ таялъ какъ воскъ отъ огня. Не смотря на февраль, морозы были все время отъ 26 до 30 и болѣе градусовъ при сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ. На ночлегахъ колонны уже не становились въ каре, а солдаты останавливались и раскидывали свои джуламейки тамъ, гдѣ ихъ заставалъ сигналъ „стой". Перовскій былъ мрачный, ѣхалъ въ саняхъ на уральскихъ казачьихъ лошадяхъ и не показывался предъ войсками. Одежда и обувь у солдатъ сильно обносились; шинели и теплые кителя были у многихъ прожжены и люди сильно страдали отъ холодовъ. Одинъ изъ участниковъ похода (подполковникъ Зеленинъ), описывая это обратное движеніе, говоритъ:

„Единственными людьми, не боявшимися морозовъ, „были уральцы, выносливость коихъ была изумитель„на. Вотъ одинъ случай, происшедшій въ колоннѣ во „время обратнаго похода на Эмбу. Деньщикъ генера„ла Ціольковскаго — Сувчинскій повелъ однажды, по„ить лошадей своего барина на озеро, попавшееся на „пути ночлега; прорубая ледъ желѣзнымъ ломомъ, „онъ нечаянно уронилъ его въ воду; зная, что за эту „оплошность придется поплатиться спиной Сувчинскій „обратился къ Уральскимъ казакамъ съ просьбою по„мочь его горю — вытащить какъ-нибудь ломъ изъ воды.

— „Почему не достать! отвѣчалъ одинъ изъ ка„заковъ: достать можно; но только купи, братъ, пол„штофъ водки.

„За этимъ, конечно, дѣло не стало: деньщикъ „сбѣгалъ къ маркитанту Зайчикову, купилъ водки и „принесъ къ проруби. Казакъ преспокойно раздѣлся, „его обвязали веревкой, онъ спустился въ воду, на„щупалъ ломъ, взялъ его въ руки и вынырнулъ на „поверхность воды, въ проруби. Морозу въ это вре„мя было 31 градусъ. Казакъ накинулъ на себя ту„лупъ и надѣлъ валенки, выпилъ, съ маленькой пе„редышкой, весь полштофъ, схватилъ платье и побѣ„жалъ въ свою джуламейку; тамъ уже онъ одѣлся, „какъ слѣдуетъ. Потомъ казакъ этотъ говорилъ пѣ„хотнымъ офицерамъ, видѣвшимъ всю эту исторію, „что они, казаки, во время багренья рыбы на Ура„лѣ, часто упускаютъ въ воду свои пѣшни и до„стаютъ ихъ такимъ именно простымъ способомъ, во „время самыхъ сильныхъ морозовъ“.

На этомъ озерѣ, открытомъ нашими казаками въ сторонѣ отъ дороги, отрядъ немного подкрѣпился. Благодаря густому сухому камышу, бывшему по берегамъ озера, люди имѣли возможность сварить обѣдъ; да и воду не нужно было добывать изъ снѣга. Тотъ же г. Зеленинъ про это говоритъ:

«Уходя съ ночлега, всѣ очень жалѣли, что за «слабостью немногихъ, оставшихся еще въ живыхъ «верблюдовъ, нельзя было захватить этого топлива съ «собою въ запасъ. И дѣйствительно, вплоть до Эм«бенскаго укр., въ колоніѣ ни кто почти не разво«дилъ огня ни для варки пищи, ни для того даже, «чтобы отогрѣть закоченѣвшіе члены и согрѣть хотя

«одинъ чайникъ воды. Исключенія были очень рѣд-
«ки: если кому-нибудь изъ штабныхъ или имѣющихъ
«болѣе средствъ офицеровъ удавалось, съ помощію
«добычливыхъ уральцевъ, получить нѣсколько фун-
«товъ топлива, ввидѣ напр. старой веревки, куска
«дерева, или обломка доски и т. п., за все это пла-
«тилось если не на вѣсъ золота, то почти на вѣсъ
«серебра».

Къ чести нашихъ казаковъ нужно добавить, что за время этого похода казака часто отогрѣвали въ своихъ теплыхъ джуламейкахъ иззябшихъ солдатиковъ и подвозили отстававшихъ отъ колонны земляковъ *) на своихъ лошадяхъ.

9 февраля погода съ утра была ясная, при 4 только градусахъ холода; но во время движенія поднялся сильный вѣтеръ, который болѣе и болѣе усиливаясь, достигъ до степени урагана. Морозъ крѣпчалъ и достигъ до 27 градусовъ. Порывы урагана были такъ сильны, что сваливало съ ногъ людей въ снѣгъ. Снѣжная пыль затемнила него, и среди дня наступили сумерки. Идти не было никакой возможности. Джуламейки были раскинуты при самыхъ тяжкихъ, мучительныхъ стараніяхъ. Всѣ ожидали смерти. Къ счастію буря къ утру слѣдующаго дня прекратилась, но за ночь замерзло до 30 солдатъ.

Не желая быть свидѣтелемъ дальнѣйшихъ бѣдствій отряда, сильно страдая физически отъ открывшихся ранъ въ груди, Перовскій съ 50 уральцами на от-

*) Такъ наши казаки всегда называютъ солдатъ.

борныхъ лошадяхъ поѣхалъ 10 февраля впередъ отряда и 11 прибылъ въ Эмбенокое укр. Здѣсь онъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе о выборѣ мѣста подъ лагерь отряда и нарядѣ отъ киргизскаго населенія новыхъ кибитокъ и свѣжихъ верблюдовъ.

XLIII.

На пути слѣдованія отъ Акъ-булака къ Эмбѣ отрядъ потерялъ 1780 верблюдовъ. Весь путь былъ устланъ павшими верблюдами еще въ первый путь. Нѣкоторые изъ брошенныхъ тогда верблюдовъ были еще живы. При прохожденіи мимо ихъ они вытягивали шеи и смотрѣли на отрядъ, поворачивая головы, какъ бы прощаясь съ людьми. Довольно странно было видѣть этихъ страдальцевъ живыми, когда всѣ павшіе верблюды были обглоданы хищными звѣрями.

Во время этого движенія было брошено сухарей и муки на 50 дней, крупъ на 83 дня, овса на 14 дней, соли на 105 дней по расчету для всего отряда. Пропало также болѣе 100 пудовъ говяжьяго бульона, бывшаго въ плиткахъ. Оказалось, что киргизы, принявъ эти плитки за обыкновенные кирпичи, тайкомъ выбросили ихъ, какъ лишнюю тяжесть. Когда же вспомнили про бульонъ, то наивные сыны степей увѣряли, что вмѣсто этихъ маленькихъ кирпичей, они по прибытіи въ Оренбургъ доставятъ въ казну настоящихъ большихъ, глиняныхъ кирпичей, хоть 200 пудовъ.

XLIV.

Колонны отряда пришли въ Эмбенское укр. 13—15 февраля. Не останавливаясь здѣсь, колонны проходили мимо укрѣпленія на вновь избранное для лагеря мѣсто на рѣкѣ Сага-Темиръ, верстахъ въ 30—40 отъ Эмбенскаго укрѣпленія. Здѣсь для отряда были поставлены новыя кибитки, а для больныхъ обширные войлочные балаганы. Сюда же начали перевозить больныхъ и разные запасы изъ Эмбенскаго укр., послѣ чего, при вступленіи на Темиръ гарнизона, укрѣпленіе это было взорвано.

XLV.

Съ Эмбы генералъ Перовскій послалъ въ Петербургъ свое донесеніе объ отступленіи. По этому поводу г. Зеленинъ говоритъ:

„Къ сожалѣнію это донесеніе также отступало отъ „истины, какъ и приказъ, отданный въ Чушка-кулѣ „объ обратномъ выступленіи; какъ тамъ говорилось, „что *люди свѣжи и бодры, лошади сыты, а „запасы обильны*, въ то время, какъ люди мерли „какъ мухи, а *запасовъ*, напримѣръ, корма для „верблюдовъ, сѣна и топлива, не было вовсе, такъ и „въ этомъ донесеніи скрыта была истинная цифра „погибшихъ людей. Даже и послѣ, по возвращеніи „уже въ Оренбургъ всего отряда, когда, повидимо„му, трудно уже было скрыть потери, ихъ все-таки „тщательно скрывали — съ очевидною, впрочемъ, цѣлью

„избѣжать гнѣва и упрековъ тогдашняго оффиціаль-
„наго Петероурга и его военнаго министерства съ не-
„симпатичнымъ и крайне пристрастнымъ военнымъ ми-
„нистромъ, графомъ Чернышевымъ во главѣ“,

XLVI.

Будучи совсѣмъ больнымъ при прибытіи на Эмбу, генералъ Перовскій, благодаря своей атлетической натурѣ, чрезъ 10 дней сѣлъ на коня и пріѣхалъ въ въ лагерь на Сага-Темиръ. Здѣсь онъ осмотрѣлъ остатки баталіоновъ и другія части, благодарилъ за терпѣніе этихъ героевъ, изъ которыхъ каждый, по собственному его выраженію, «заслужилъ по золотому Георгію».

24 февраля часть больныхъ и остатки дивизіона 1 оренбургскаго казачьяго полка были отправлены на линію кратчайшимъ путемъ прямо на Ильинскую крѣпость (нынѣ станица Оренбургсклго войска, недалеко отъ г. Орска). Подъ свозъ больныхъ и тяжестей было отобрано наиболѣе лучшихъ 425 верблюдовъ, изъ которыхъ до линіи дошло только 199. Колонна эта шла по глубокому снѣгу, сопровождаемая все еще державшимися морозами. Чрезъ 18 дней труднаго пути колонна пришла въ Ильинскую 12 марта 1840 г.

XLVII.

Для сбора верблюдовъ посланъ былъ султанъ Айчуваковъ съ штабсъ-капитаномъ Рехенбергомъ при

2-хъ сотняхъ уральскихъ казаковъ. Вмѣстѣ съ этимъ для наказанія тѣхъ киргизскихъ родовъ, которые, по совѣту хивинцевъ, разграбили наши суда у прорвы и взяли въ плѣнъ корнета Аитова, командированъ былъ полковникъ Бизяновъ съ 3 сотнями уральскихъ казаковъ при 2-хъ трех-фунтовыхъ единорогахъ. Подъ тяжести для командируемыхъ 5 сотенъ съ большимъ усиліемъ добыто до 200 верблюдовъ. 5 марта Бизяновъ и Айчуваковъ выступили съ Темира. Пройдя 150 верстъ внизъ по р. Эмбѣ, Айчуваковъ повернулъ на р. Сагизъ, Бизяновъ же пошолъ далѣе по Эмбѣ. На Сагизѣ добыто было около 500 верблюдовъ. Узнавъ, что многіе изъ киргизъ уходятъ за Эмбу и далѣе къ Хивѣ, Айчуваковъ и Бизяновъ въ началѣ апрѣля соединились вновь и рѣшились преслѣдовать киргизъ. Перейдя вплавь разлившуюся р. Эмбу, Бизяновъ съ Айчуваковымъ съ 5-ю сотнями казаковъ пошли къ Усть-Урту, у подножія котораго догнали родъ чуреновцевъ. Забравъ у нихъ верблюдовъ и оставивъ здѣсь 1 сотню для прикрытія верблюдовъ и оставленныхъ тяжестей, Бизяновъ съ 4 сотнями поднялся на Усть-Уртъ и послѣ 60 верстнаго усиленнаго перехода догналъ въ пескахъ „Самъ“ киргизскіе роды каракисякцевъ и ожерейцевъ. Испуганные неожиданнымъ появленіемъ казаковъ, киргизы бросили весь свой скотъ и бѣгли въ разныя стороны. За темнотою ночи и усталостью лошадей преслѣдовать ихъ не было возможности. 14 апрѣля Бизяновъ повернулъ обратно и дойдя до Эмбы, пошолъ къ ея устьямъ. Здѣсь послѣ усиленныхъ переходовъ по 60 и 80 верстъ въ день, Бизяновъ

догналъ адаевцевъ, виновниковъ сожженія нашихъ судовъ у прорвы. Разгромивъ ихъ аулы, причемъ до 450 адаевцевъ было убито. Бизяновъ направилъ Айчувакова со всѣми добытыми верблюдами при одной сотнѣ казаковъ въ главный отрядъ на Темиръ, а самъ съ остальными 4 сотнями и 2 орудіями двинулся къ линіи и 12 мая прибылъ въ Калмыковскую крѣпость.

XLVIII.

Генералъ Перовскій выѣхалъ изъ Темирскаго лагеря 1 апрѣля и 14 апрѣля прибылъ въ Оренбургъ. Здѣсь онъ былъ встрѣченъ не очень привѣтливо. Всѣ ожидали со дня на день его смѣны. Въ особенности съ не скрываемымъ злорадствомъ смотрѣли на него проживавшіе здѣсь въ большомъ количествѣ сосланные поляки и татары. Поляки злились на Перовскаго за измѣнившіяся его въ походѣ отношенія къ Ціольковскому, а татары торжествовали потому, что ихъ единовѣрная Хива осталась цѣла и невредима, не смотря на громкій восторгъ и увѣренность русскихъ въ побѣдѣ при объявленіи похода.

XLIX.

Оставленный безъ перевозочныхъ средствъ отрядъ на Темирѣ состоялъ подъ начальствомъ ген.-лейт. Толмачева. Отрядъ стоялъ 3-мя колоннами, каждая въ своемъ, отдѣльномъ отъ прочихъ, лагерѣ. Началь-

никами колоннъ были полковники: Кузьминскій, Геке и Мансуровъ. Оставляя при отрядѣ Ціольковскаго, Перовскій не далъ ему никакого назначенія.

Зима упорно держалась на Темирѣ. Весь мартъ мѣсяцъ морозы сопровождались часто буранами. Отъ блеска снѣга при солнцѣ и отъ сыраго кустарника, служащаго топливомъ, въ войскахъ начала сильно распространяться глазная болѣзнь. Цинга къ веснѣ тоже усилилась. Къ 20 марта больныхъ было 857; два врача и почти всѣ фельдшера лежали больными. Къ 22 апрѣля больныхъ было 937, изъ которыхъ горячечныхъ 151 и цинготныхъ 648. Съ 1 по 22 апрѣля считалось умершихъ 127 чел. Къ 1-му мая прибыло вновь больныхъ 497, выздоровѣло 186, умерло 91; затѣмъ состояло: больныхъ 1121 н. чин. и 9 офицеровъ *).

Въ началѣ мая прибыло къ отряду верблюдовъ, собранныхъ полк. Бизяновымъ и султаномъ Айчуваковымъ, 1030. Собрано султаномъ Юсуфомъ 450. Доставлено изъ Оренбурга 700. Къ 15 мая еще пришло изъ Оренбурга 1400.

Кромѣ того изъ Оренб. было прислано 200 конныхъ и воловыхъ подводъ, нѣсколько сотенъ коекъ, овесъ, веревки и др. мелкія вещи. Такъ какъ всѣми присланными перевозочными средствами можно было только поднять всѣ отрядныя тяжести и часть больныхъ, то остальные больные были помѣщены на остав-

*) Изъ нихъ цинготныхъ 613, не смотря на то, что начали употреблять дикій лукъ и чеснокъ.

шихся съ прошлаго года у Эмбенскаго укр. башкирскихъ телѣгахъ, въ которыхъ велѣно было виречь казачьихъ лошадей.

18 мая отрядъ выступилъ по прежнему пути на Оренбургъ, имѣя больныхъ 16 офицеровъ и 1195 н. чиновъ. 22 мая больныхъ было 1214. 31 мая отрядъ прибылъ на урочище Бишъ-тамакъ. Отсюда 4 и 6 линейные баталіоны и Оренб. казаки двинуты были на Орскую крѣпость; остальные же войска 1 и 2 лин. бат., 5 Уральскій полкъ, артиллерія и весь огромный транспортъ больныхъ пошли на Оренб., куда вступили 8 іюня, послѣ 8 мѣсячнаго похода. На пути къ Оренбургу больныхъ еще прибыло 216, вѣздоровѣло 737, умерло 35.

Въ своемъ донесеніи, по приходѣ отряда на линію, ген. Перовскій показалъ, что за весь походъ въ отрядѣ умерло 5 офицер. и 1054 н. чиновъ, да по приходѣ отряда уже въ Оренбургъ умерло 609 ниж. чиновъ, слѣдовательно оффиціально показано умершихъ изъ отряда 5 офицеровъ и 1663 н. чина. Тоже самое число умершихъ показано и въ книгѣ объ этомъ походѣ г. Иванина. На самомъ же дѣлѣ умѣрло за весь походъ 11 офицеровъ и болѣе 3000 риж. чиновъ, потому, что изъ 5 тысячнаго отряда, вышедшаго съ линіи, вернулось обратно менѣе 2000 чел. *).

Г. Иванинъ въ своей книгѣ, приводя итоги больныхъ и умершихъ въ разныхъ частяхъ войскъ отря-

*) См. «Рус. Арх.» 1891 г., кн. IV, стр. 579.

да, говоритъ, что въ пѣхотѣ 1 умершій приходился на 3½ чел.; въ дивизіонѣ 1 ор. каз. полка на 26 чел., въ Оренб. каз. войскѣ на 4, въ 4 и 5 Урал. полкахъ на 80. Далѣе онъ говоритъ:

„Изъ этого видно, что оренбургская пѣхота менѣе прочихъ войска а Уральскіе казаки болѣе прочихъ войскъ Оренбургскаго корпуса способны для перенесенія степ-„ныхъ походовъ. Если принять еще во вниманіе, что „Уральское войско, выпустившее передъ тѣмъ на „службу внутрь Имперіи нѣсколько полковъ *) и для „Хивинской экспедиціи набрало казаковъ не по вы-„бору, а какіе случились, тогда какъ въ прочихъ „войскахъ высылали болѣе крѣпкихъ и здоровыхъ „людей, то нельзя не удивляться крѣпости и сно-„сливести Уральскихъ казаковъ въ походѣ и не от-„дать имъ полной справедливости, что они въ подоб-„ныхъ походахъ незамѣнимы. И такъ какъ содержа-„ніе по всему протяженію Уральской линіи кордон-„ной стражи и рыболовства по Уралу и взморью, „производимыя Уральскими казаками круглый годъ, „болѣе всего способствуютъ укрѣпленію здоровья „Уральскихъ казаковъ, пріучая ихъ къ перенесенію

*) Въ 1839 году отъ Уральскаго войска на внѣшней службѣ были: 1 сотня въ гвардіи, 1 сотня въ Казани, 1 сотня въ Ново-Александровскомъ укр, полки: № 1 на Кавказѣ, № 2—въ Беессарабіи, № 3—въ Финляндіи №№ 4 и 5—въ отрядѣ Перовскаго. № 9—на маршѣ изъ Каменецъ-Подольской губ. на Уралъ—домой, № 10—въ Москвѣ. Кромѣ того войско содержало кордонную линію по Уралу и по своей границѣ съ Букеевской ордой.

„трудовъ и измѣнчивости климата, то нельзя не по-„желать, чтобы эти занятія постоянно между ними „продолжались и поддерживались.

„Уральскіе казаки менѣе всѣхъ пострадали, не „смотря на то, что болѣе прочихъ войскъ употреб-„лялись на работы и перенесли трудностей. Къ этому „надо прибавить, что, не смотря на изнурительные „труды, требовавшіе поддержки силъ мясною пищею, „Уральскіе казаки въ походѣ соблюдали посты во „всей строгости.

„Такъ какъ Уральскіе казаки и у себя дома жи-„вутъ зиму и лѣто постоянно въ трудахъ и на от-„крытомъ воздухѣ, между тѣмъ какъ оренбургская „пѣхота не бывала до хивинской экспедиціи ни гдѣ „въ походахъ и даже не дѣлала большихъ передви-„женій, то необыкновенная выносливость Уральскихъ „казаковъ въ Хивинскомъ походѣ, и развитіе худо-„сочныхъ и воспалительныхъ болѣзней и сильная „смертность въ пѣхотѣ, служатъ самымъ вѣрнымъ до-„казательствомъ, что для людей, предназначенныхъ для „военной службы, надлежащее воспитаніе и въ мир-„ное время родъ жизни, способствующій къ развитію „тѣлесныхъ силъ и пріучающій къ перенесенію не-„погоды, стужи, жара, лишеній, тѣлесныхъ трудовъ „и т. д. будутъ самой вѣрной порукой переносчиво-„вости ихъ въ военное время, что уменьшитъ число „госпиталей и смертность отъ болѣзней“.

Говоря о потери лошадей въ отрядѣ, г. Иванинъ говоритъ, что военныхъ лошадей полезнѣе держать

постоянно или на пастьбѣ, или на коновязахъ, подъ открытымъ небомъ, и только въ крайнихъ случаяхъ подъ крышей; къ теплымъ же конюшнямъ ихъ не слѣдуетъ пріучать. Это совершенно вѣрно и доказательствомъ можетъ служить то, что дивизіонъ 1 ор. казачьяго полка потерялъ всѣхъ своихъ изнѣженныхъ, заводскихъ лошадей. Послѣ хивинскаго похода полкъ этотъ вскорѣ былъ расформированъ.

L.

Генералъ Перовскій испрашивалъ Высочайшаго разрѣшенія на новый походъ въ Хиву, но разрѣшенія этого не послѣдовало. Тогда Перовскій самъ поѣхалъ въ Петербургъ. Государь былъ тогда за границей. Военный министръ гр. Чернышовъ принялъ Перовскаго сухо. Всѣ отшатнулись отъ опальнаго генерала; всѣ были увѣрены, что звѣзда Перовскаго погасла навсегда. Но все измѣнилось съ пріѣздомъ Государя, который, увидя Перовскаго на разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ, обнялъ, расцѣловалъ его и, посадивъ съ собой въ коляску, уѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Петергофъ. Тамъ Перовскій жилъ двѣ недѣли во дворцѣ, въ особо отведенныхъ для него покояхъ. Здѣсь Перовскій имѣлъ возможность все передать Государю до мельчайшихъ подробностей. Государь слушалъ его съ большимъ интересомъ и былъ тронутъ до слезъ, когда Перовскій описывалъ ему ужасы похода и въ особенности страшную буранную ночь съ 9 на 10 февраля, когда отрядъ едва не погибъ.

Николай Павловичъ самъ потребовалъ отъ Перовскаго немедленнаго представленія къ наградамъ всѣхъ генераловъ и офицеровъ, „да чтобы и солдаты не были забыты“, добавилъ при этомъ Государь. Дѣйствительно, вскорѣ былъ отданъ Высочайшій приказъ, по которому всѣ участники похода генералы и офицеры получили чины или ордена; всѣ юнкера и многіе унтеръ-офицеры получили офицерскіе чины и всѣ по годовому окладу жалованья, не въ зачетъ. Всѣ нижніе чины получили денежныя награды. Даже генералъ-маіоръ Ціольковскій получилъ орденъ св. Анны 1 степ., хотя спустя недѣлю былъ уволенъ отъ службы «по домашнимъ обстоятельствамъ». Уѣхавъ затѣмъ въ свое имѣніе, Ц—скій, какъ я уже упоминалъ, былъ тамъ убитъ своимъ поваромъ, который выстрѣлилъ въ Ц—скаго со двора, когда онъ ночью сидѣлъ у открытаго окна, читая книгу.

LI.

Генералъ Перовскій, сильно сердитый на нашихъ казаковъ за происшедшій печальный инцидентъ въ Уральскѣ въ 1837 году, послѣ хивинскаго похода, совершенно перемѣнилъ о нихъ свое мнѣніе. И въ самомъ дѣлѣ казаки въ этомъ походѣ сдѣлали многое. Всѣ посторонніе люди, бывшіе въ походѣ, говорятъ, что безъ казаковъ дѣло было бы совсѣмъ плохо. По представленію генерала Перовскаго полковникъ Бизяновъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Всѣ участники похода получили награды нарав-

нѣ съ регулярными войсками. Около 20 казаковъ произведено лично Перовскимъ въ урядники, 6 урядниковъ произведены въ офицеры. Два трехфунтовые единорога, бывшіе при 4-мъ Уральскомъ полку во время набѣга на киргизъ, пожалованы были Войску. При нихъ содержалась отъ войска команда „канониръвъ". Я помню, когда былъ еще мальчикомъ, какъ эти единороги возились канонирами въ табельные дни къ собору и производили салютаціонную пальбу. Этотъ взводъ „уральской артиллеріи" былъ послѣ хивинскаго похода въ разныхъ походахъ по киргизской степи, когда «гоняли Исетку» и другихъ киргизскихъ мятежниковъ и въ 50-хъ годахъ былъ съ казаками при усмиреніи волненія букеевскихъ киргизъ.

LII.

Привожу списокъ офицеровъ 4 и 5 Уральскихъ полковъ, бывшихъ въ хивинскомъ походѣ.

№ 4-й полкъ:

Командиръ—полковникъ Ѳедотъ Григорьевичъ Бизяновъ.

Офицеры:

Войск. старш. Семенъ Поповъ.

Есаулы: Поликарпъ Тамбовцевъ, Степанъ Дерваповъ. Евстратій Истоминъ, Стахѣй Ерыклинцевъ и Иванъ Бородинъ.

Сотники: Андрей Осиповъ, Акимъ Истоминъ, Яковъ Буренинъ и Иванъ Сѣровъ.

Хорунжіе: Исакій Пономаревъ, Германъ Бородинъ, Автономъ Ерыклинцевъ *), Сейфей Тангаевъ и Александръ Донсковъ.

Въ 4 полку состояло: 2 заурядъ-офицера **), 18 урядниковъ и 548 казаковъ.

№ 5-й полкъ:

Командиръ — войсковой старшина Павелъ Ефимовичъ Назаровъ.

Офицеры:

Войсковой старшина Холевинъ.

Есаулы: Петръ Калмагоровъ, Акакій Михайловъ, Максимъ Назаровъ и Лукьянъ Ерыклинцевъ.

Сотники: Андрей Кармановъ и Семенъ Алексѣевъ.

Гвардіи корнеты: Артамонъ Жиньжинъ и Григорій Назаровъ.

Хорунжіе: Иванъ Обратновъ, Максимъ Бѣляевъ, Федоръ Щербаковъ, Констанинъ Буренинъ, Савелій Жигинъ, Иванъ Поликарповъ, Гаврила Митрясовъ и Василій Портновъ.

Въ полку было 2 заурядъ-офицера, 14 урядниковъ и 550 казаковъ.

Кромѣ того къ артиллеріи отряда былъ прикомандированъ сотникъ Чурѣевъ, командовавшій впослѣдствіи уральскимъ артиллерійскимъ взводомъ.

Во время хивинскаго похода изъ Уральскихъ полковъ умерли:

---

*) Умеръ 13 августа 1894 г. Жилъ въ Кандауровскомъ поселкѣ. Ему я обязанъ многими разсказами изъ хивинской экспедиціи.

**) За некомплектомъ офицеровъ 4 заурядъ-офицера бы-

Сотникъ Акимъ Истоминъ, хорунжій Василій Портновъ и казаки: Лукьянъ Безштанновъ, Тимофей Фроловъ, Діаганъ Насановъ, Рахимберда Сейфуллинъ, Осипъ Филиповъ, Иванъ Клоченковъ, Сидоръ Жегулевцевъ, Кондратій Севастьяновъ, Ефимъ Соболевъ, Никита Климовъ, Данила Карташевъ, Агей Пальговъ, Максимъ Дмитріевъ, Василій Свѣшниковъ, Евстихій Мухрановъ и Федотъ Купріяновъ.

Вотъ оклады тогдашняго жалованья.

Получали въ годъ:

Полковникъ—342 р. $21^{3}/_{7}$ к. сер.
Столовыхъ командиру полка 163 р. $28^{4}/_{7}$ к. с.
Войсковой старшина 175 р. $86^{1}/_{7}$ к. сер.

Есаулъ . .	229 р.	38 к.			Ассигнаціями.
Сотникъ . .	165 р.	$52^{3}/_{4}$ к.			
Корнетъ и хор. .	136 р.	$49^{1}/_{4}$ к.			
Старш. урядн. .	19 р.	$85^{3}/_{4}$ к.			
Младш. урядн. .	8 р.	$88^{1}/_{4}$ к.			
Казакъ . ,	6 р.	$33^{1}/_{2}$ к.			

(См. дѣла Войсковаго Архива №№ 233 и 376).

ли назначены въ 4 и 5 полки изъ прикомандированнаго къ войску башкирскаго отдѣленія, бывшаго на р. Камеликѣ Николаевскаго уѣзда Самарской г. Отдѣленіе это, или Контонъ, состояло изъ 3 юртъ, каждая численностью около 100 служилыхъ башкиръ. Начальникомъ контона назначался штабъ-офицеръ, или есаулъ, а юртовыми—оберъ-офицеры Уральскаго войска.—Башкиры вели полукочевую жизнь: лѣтомъ на кочевкѣ въ кибиткахъ зимой въ домахъ, русской постройки. Служба ихъ состояла въ нарядѣ около 70 башкиръ въ рабочую команду въ гор. Уральскѣ. Атаманскій садъ разведенъ

LIII.

Хивинскій походъ 1839—40 года все-таки имѣлъ добрыя послѣдствія. Хивинскій ханъ, подъ вліяніемъ бывшихъ тогда въ Хивѣ англійскихъ агентовъ, чтобы русскіе въ другой разъ не пошли на Хиву, отпустилъ почти всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, въ числѣ ихъ и корнета Аитова. Послѣдній остался живъ, потому что былъ мусульманинъ. Походъ этотъ научилъ многому: какъ нужно сбираться, что нужно для похода и главное научилъ какое выбрать удобное время года для похода. Все это было принято во вниманіе при снаряженіи отрядовъ въ 1873 г., когда недосягаемая дотолѣ гордая Хива пала предъ нашими побѣдоносными войсками.

этими башкирами. Они поправляли также улицы въ городѣ. Въ 1865 г. контонъ былъ упраздненъ и башкиры зачислены въ податное сословіе.—Заурядъ-офицеры, хотя и носили офицерскую форму, за исключеніемъ темляка и шарфа, но правами офицеровъ не пользовались и даже не были изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній. Производились они властію корпуснаго командира.

А. М. Гуляевъ.

Конецъ.

Наиболѣе важныя опечатки

статьи „ОТРЫВКИ ИЗЪ ПРОШЛАГО Ур. к. войска“.

		Напечатано.	*Слѣд. читать.*
Стр. 23	3 строка сверху.	Съ 1826 по 1868 годъ.	Съ 1826 по 1828 годъ.
— 43	2 строка сверху.	Преданіе 1705 года.	Преданіе 1605 года.
-- 55	Начало V главы	Хивинцы, пользуясь неудобностью	Хивинцы, пользуясь недоступностью.
-- 70	10 и 11 стр. сверху.	продавалъ своихъ рабочихъ, которые...	продавалъ своихъ рабочихъ киргизамъ, которые...
-- 75	6 строка сверху.	Обращаясь	Обращаюсь
-- 76	10 строка снизу	было 360 верблюдовъ	было 3600 верблюдовъ
-- 121	2 -- сверху.	5 января	25 января
- 135	9 -- сверху.	при вступленіи	при выступленіи